

Анатолий МОЖАРОВСКИЙ

УПЫРЬ

Анатолий Можаровский

Углы

Київ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5
М75

Можаровский А.И.
Углы. Поэзии. – К.: ВПЦ «Київський університет», 2013.
M75 – 368 с.

ISBN 978-966-439-579-0

В новой книге А.Можаровскому удалось создать общий символ времени, сказать своей эпохе о тех язвах и ужасах, которые тайно и явно разъедают её.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Ответственный редактор
Михаил МАЛЮК

В оформлении книги использованы фотоработы
Михаила МАЛЮКА

ISBN 978-966-439-579-0

© Можаровский А.И., 2013
© Малюк М.М. предисловие, 2013
© Урбанская С.Г., художественное оформление, 2013

«МЫ НОВЫХ ЖДЕМ ЛЮДЕЙ...»

*Вам нужно идти по пути, где не встретишь
восторга.
...Вам нужно идти по пути отречения.
Чтобы стать не тем, кем вы были.*

Томас Стернз Элиот.

Согласно христианской доктрине человек живет и во времени, и вне времени. В реалиях современной Украины — настоящее — самое страшное и мучительное время, ибо люди живут, растративая себя в мелких делишках, в ничтожных заботах среди отправляющих душу безобразий, видя как безграничны пределы власти авантюристов и бандитов, и естественно и неизбежно сами заражаются всеми пагубными свойствами, всеми навыками и приемами власти, презирающей их и изdevающейся над ними. Отчаяние, безысходность, унылая всепоглощающая тоска разъедают души большинства людей. Не живя полноценно, а суть жизни — это всегда настоящее, человек тем самым унижает и пачкает самую возвышенную и наименее осязаемую часть Творения — время.

Анатолию Можаровскому, исходя из концентрированного личного опыта, удалось, сохранив специфические черты этого опыта, создать общий символ времени, сказать своей эпохе о тех язвах и ужасах, которые тайно и явно разъедают её, показать сколь многое в современной жизни — просто смерть.

Поэзия — суверенная область художественного творчества, в которой всплескам эмоций, экстазам самоупоения или проповедям поэт обязан противопоставить новые перспективы видения мира, выявить его глубинные измерения. Главная концепция поэзии — новое видение мира. Чистая поэзия неосуществима, ибо поэзия — противовес самообману, подмене жизни. Каждый истинный художник — не просто новый мир, новое видение мира, но и трансформация мира вне его. Самобытность — свойство творца создавать мир заново: после него внешний мир предстает перед нами иным, мы обнаруживаем в нём много такого, о чем не догадывались раньше.

Поэтический мир, созданный Анатолием Можаровским огро-

мен и всеобъемлющ. Это своеобразная поэтическая энциклопедия жизни и нравов не только современной Украины, но и всего постсоветского пространства. Здесь много мрачного, шокирующего. Читатель, привыкший упиваться в поэзии музыкой стиха, его сладкозвучием, песенностью, напевностью, услышит здесь иную музыку — диссонансы и лязги самой жизни, и, возможно, с возмущением отбросит книгу: разве это поэзия?! Здесь нарушены все традиции! Но традиция — это красота, которую мы храним, а не путы, которые нас связывают, а искусство — всегда нарушение, потому что оно есть свобода говорить правду.

“...говорить правду, — это искусство труднейшее из всех искусств, ибо в своём “чистом” виде, не связанная с интересами личностей, групп, классов, наций, — правда почти совершенно неудобна для пользования обывателя и неприемлема для него. Таково проклятое свойство “чистой” правды, но в то же время это самая лучшая и самая необходимая для нас правда”. Эта “несвоевременная” мысль Максима Горького куда как своевременна для нашей современной литературы, которая всячески избегает говорить правду о дне нынешнем. Большинство издаваемых сегодня произведений, позиционируемых как наиболее популярные у читателей, обращены в прошлое, а значит выходят, выпадают из времени, другие же, так называемая “массовая” литература, возбуждают темные инстинкты, которые и без того буйствуют на почве экономической разрухи и социального разложения.

Анатолий Можаровский — поэт глубокой христианской традиции, для которого идея порядка тесно связана с представлением о Божественном начале. Отсюда и его идеал государства: “Богократия — ...правление небес по Слову” и конституция — Божьи Заповеди.

Его творчество — моральная и религиозная оппозиция духу времени. Он закипает гневом, видя как страдают безгрешные, а злодеям — всё нипочём. Его гнев — это огонь кузнецкого горна: жар претворяет ком железа — его дух — в обоюдоострый меч, который есть его вера, его оружие для борьбы с беспощадными силами противостоящими человеку. Он видит своё предназначение поэта не в образе свободного художника, а дисциплинированного и ответственного мастера, зависящего не от потреб плебса, а от долга перед Богом. Он не ищет легких путей к славе, избегает мирских сблазнов, не прячет глаз от повсеместной несправедливости:

* Максим Горький. Несвоевременные мысли., М., 1990. — С.84.

*перст мой пишет
снова и снова кровью
по стене
о горе.*

Анатолий Можаровский не устает говорить: постсоветский мир в руках бандитов, он безумен, он смертельно болен и опасен. Утратив любовь и милосердие, отвернувшись от Бога, собственно, это уже и не мир, а антимир, владения Антихриста. И самое страшное — он воцарился здесь без малейших усилий, без борьбы, встретили его с распростёртыми объятиями, хлебом-солью. Современный постсоветский человек заражен алчностью и завистью, лишен моральных ограничителей, политически и социально развращённый становится серьёзной угрозой остальному миру. Благополучные Америка и Европа, отплясав на поминках СССР, получили врага куда серьёзнее, чем бывший коммунистический монстр. Принимая в свои банки миллионы сколоченные откровенным грабежом и разбоям, давая приют ордам разношерстного чиновничье-бандитского отребья, позволяя им скупать дома и замки, они запустили к себе Троянского коня с прожженными мародерами и растлителями, которые взорвут их законопослушный мир изнутри:

*А, может, когда-то
кто-то там замуж
или женится
в королевский замок,
годы пройдут, пролетят,
раствосятся,
и вдруг — король!
Русский!
О, братцы!
Гульём по Британии,
вспомним
русские шалости!
И, вёдрами, водка!
Русские привыкли удивлять миф всегда.*

... В старинных хрониках народ исчислялся по количеству душ, а не голов. Современному человеку это кажется странным, нелепым, но тогда человек больше думал о Боге, о грядущей (вечной) жизни

и куда меньше был озабочен земными делами. Болезнь эпохи, как видит ее поэт Анатолий Можаровский, — в неспособности принять на веру представления о Боге, мире и человеке, которыми жили наши предки, в неспособности испытывать к Богу и человеку такие чувства, которые испытывали они:

*Поклоняемся мы силе
чёрной, злой и неуёмной.
А нам бы Бога,
да с любовью.*

Меркантилизм политических партий и самого народа, приоритет выгоды или интереса, неуправляемые эмоции и вожделения — вот что оскотинивает жизнь. Потому и считают нас поголовно...

Торгашество, продажность, презрение, откровенно демонстрируемое властями к человеку-труженику повсеместны в Украине. Пылкие споры о демократии и независимости закончились неприкрытой тиранией денег, которая развратила всех — богатых и бедных: гражданин правильно организованного общества может презирать власть, но чтит закон; подданный насквозь коррумпированного государства страшится власти, но презирает закон и стремится где только можно обойти его, рабски следя в этом за своими повелителями.

Внимательный взгляд художника замечает не только мельчайшие детали изменений в общественной жизни, но и тончайшие нюансы обыденной речи — живой язык ведь тоже чутко реагирует на эти изменения, отображая психологию говорящего. Язык помогает срывать маски. Все высказывания так называемых политиков сводятся к подобающей слушаю не утружающей ума расстановке десятка однажды отвердевших слов, давно уже употребляемых вне прямого их смысла. Да даже из заученных фраз подсознательно прорывается привычная лексика, своеобразное построение фраз, присущее определенным, ранее замкнутым, языковым группам (уголовного мира, например). Когда респектабельный чиновник или народный депутат ничтоже сумящеся говорит о своей “активной работе на районе, на округе”, понимаешь, какую социальную группу он представляет во власти. Анатолий Можаровский умело использует этот речевой оборот, мгновенно вводя читателя в нужную атмосферу: “Коммунизм похоронили // на стране...”, “Турнир особый по футболу // состоялся на стране...” Это, вроде бы,

смешно, но, на самом деле, — страшно: живём-то “на зоне...” Анатолий Можаровский досконально овладел искусством извлекать из слова, сжимая и спрессовывая его в различных контекстах, смысл, который мы в нём даже и не подозревали. Вообще для его стиля характерно стремление к смещениям смысловых и эмоциональных планов, к снижению привычных поэтических аксессуаров, к сближению языка поэзии с языком улицы.

В поэзии Анатolia Можаровского много интерпретаций категорий “время”: время жизни отдельного человека, историческое время, время становления, развития и упадка стран, цивилизаций... Годы, столетия, эпохи... Время, его течение в формах причинности и последовательности. Но все это — лишь мгновения. За историчностью, изменчивостью поверхности жизни скрывается вечный и вневременный мир.

Суть жизни — это всегда настоящее, обращение же в прошлое — это уже суть ее конца, а в будущее — ее начала. Умереть — это значит утратить время и выйти из времени, но это значит обрести взамен вечность или ничто. Каждому — по вере его.

Анатолий Можаровский, как и каждый истинный художник, создает портрет своего времени, фиксируя истинное бытие вещей, это неподвижное “теперь”. Но он предвидит и деятельное, созидающее время, вынашивающее перемены:

*Мы новых ждём людей.
Восстанут и пойдут
в духовной силе.*

Михайло МАЛЮК

***

Мечты стираются в пыль.
В временем.
Или безвременьем.
Пыль ложится
на деревья, цветы.
Дорога в пыли.
А были мечты.
Перетертые временем,
как жерновами
зерно на мельнице.
Мысли новые входят
с рассвета,
такие светлые,
чистые где-то секунды,
потом темнеют,
не взирая на небо горящее.
Чем-то кто-то
их зачерняет,
или отравляет
сознание.
Вначале
пробовал я пробивать
ржавые створки
моих желаний,
но смирился.
Все вокруг
так живут.
И груз мечты
уже не груз,
а частицы пыли,
плавающие в пространстве.
Или?
Или
что-то не так?
Но как научиться
понять, узнать,
кто нам мешает
мечтать?

А время гонит
новый лозунг
и новые мечты,
если ты стоик.
Стоик?
А за что стоишь?
Слышишь...
Слышь...
Слышу...
Стучит в окно
дождь,
и крыши мокрые
блестят,
деревья, цветы
омыты.
И я, и ты
сердиты на слабоволье
сознания.
Простор затмило
время,
или безвременье,
сталью створ
как жалюзи
на глаза.
А что же мозг?
Не говорю: душа...
Мечты перетирают
дальше жернова...

30.08.2013

***

В окне —
лицо
прижатое к стеклу.
Приплуснут нос, щеки, глаза...
И тихо стало вдруг.
Я как оглохший в гульбище
автомобилей,
толпе людей бегущих
мимо.
Сила неудержимая
прижала меня к
дереву напротив.
Я смотрел на это лицо,
и что-то
вогнало страх в меня,
и он холодным потом
окатил спину.
И грудь
с комком окаменевшего
вдруг воздуха
застыла.
Лицо в окне.
Выдох легким
паром покрывал стекло.
Глаза чуть было видно.
Я чувствовал
тоску одиночества его,
и страх усилился мой
многократно.
А лицо,
не отрываясь от стекла,
жадно ловило
каждый бегущий автомобиль,
людей в толпе.
Но никто
не реагировал на его взгляды.
Люди торопились.

...Машины, вдруг, завизжали,
и ушла моя глухая глухота,
но страх остался
до утра.
Я выходил ночью на балкон,
нервно курил,
пил виски со льдом,
читал какую-то статью.
Но мой покой ушёл
туда,
к расплеснутому,
размазанному по стеклу
лицу.

30.08.2013

***

Модернизация.

Урбанизация.

Приватизация.

Захватизация.

Химизация.

Люстрация.

Аппликация.

Акация.

Весна в цвету,

пчёл гул в саду,

запахи

пьянят и манят.

И хочется лежать

в траве духмяной

и гладить желтых одуванчиков

лицо,

и пить их горькое весною молочко,

и плакать, плакать

от любви, от мудрости небес

к нам, людям,

очерствевшим

как самый подлый плебс,

запутавших Слово

и слова.

Как новое бельё

“элита”

под дождём

зеленых лиственных бумаг,

и золото,

летящее не для дел благих, а так.

Дурня

по типу модернизации

такой:

еда стала

химизацией,

отлов для кладбища
едящих, пьющих
и плачущих
за приватизацию
здравьем,
и жизнью тоже.

Своей.

Детей...

Управляемая “элита”,
продажная как
девка в кабаке
вдоль трассы, где бушуют пламенем
моторы
ночью и днём,
и горы отходов
химической еды.

Химический всеобщий
наш “Али”...

Но помохи извне
не жди.

Здесь план особый.

Антихрист ходит
и водит “элиту”
новым кругом
модернизации голов
живущих чудом,
а, может, роботы уже
от этих “ешек”?

“Е”.

Химизация вообще,
прихватизация уже
закончена почти,
и мне дадут
кусок земли.

Её дают здесь всем.
В конце пути.

Дали рисовал
мечты.
А я вижу правду.
Ту,
которую предположить
мог только Бог
от наших игрищ
и оболваненных голов.
Болванка.
Болван.
Болванизация.
Чан.
Башка.
Топор.
Гильотина.
Вор.
Полицейский.
Суд.
Тюрьма.
А если телефонное право?
И правосудие штампует
приговоры неправды?
Болваны.
Оболванивание извне.
Помощь где?
Везде.
Чаще
в водке,
в вине,
в тряниде.

30.08.2013

***

Загнуздать эмоции
и мысли на бегу.
Натянуть поводья
как лука тетиву.
И пусть трещат их зубы,
и пена, храп
со рта.
Эмоции и мысли,
как лошадь в поводьях.
Остановить сознание,
оставив только миг
спокойного дыхания,
чтобы достойно жить,
сгорая от сумбура
желаний и страстей.
И буря, буря, буря
в голове моей,
мысли бегут потоком:
с гор между камней
водопады,
холод воды
слезы чистей.
И я в них окунаю,
купая там
всю страсть
и эмоции.
И раба
мне больше не отыскать.
Они как пламень
жаркий,
из дров сухих
огонь,
и поедают сладко
меня
и бег всех дней.

Я натяну поводья,
пусть зубы в крошки,
кровь,
и пена, храп.
Но мысли
найдут во мне покой.
И тихою дорогою
меж сосен и дубов
травою неисхоженной
я проведу любовь.
А страсти
повторения
дня прошлого
в теперь оставлю,
вне времени,
и захлопну дверь.
Я натяну поводья
эмоций и страстей,
и мысли станут
ровными
хотя б на миг,
как укрощенный зверь.

31.08.2013

***

Когда тебя в дорогом
футляре
с металла, кожи, пластика,
с мотором и на колёсах,
везёт личный шофёр,
и просит прощения
за ухабы на битых дорогах,
а дома домработница
сдувает пыль с усов
и рада,
и кормит тебя сложно
и заботно,
ты пухнешь от важности,
валяжно пальчики расставив.

Лень наиграна
считается доспехом.
И взгляд “закрытый”,
как будто ты “небожитель” —
поэт, писатель.

Ха-ха-ха!

Да ты даже не мужчина,
не женщина, а так.

Ты чучело
времен мерзкой войны,
развязанной втихую
меж столами,
меж офисами,
банками
руками, которые
не знают жара стали,
руками, которые
окопы не копали,
руками, которые
и не любили,
а мастурбировали,
и платили —
за всё и всем,

не взяв нигде любовью,
не взяв и силой.
Не победив обычную
простуду,
в морозы на ногах и в вынужу
среди снегов ты не бежал
к любимой.
Поэт, писатель!
Мастурбиром
пробил себе дорогу
меж деньгами,
собирая их как листья
в осень
под ногами.
Такой судьбы
завидной стороною
я не хочу.
Это не есть герои.
Мне нужен труд
и тяжесть
с перерывом,
а между ними —
боль с надрывом,
а сверху их —
молитва
дивом
к Богу,
что я ещё живой.
И сам на сам
я не с тобой, герой,
где только твоя важность
приживалки, приживалы
и отважность
в совращении
богатых
дядь и теть,
и лизание тронных поп.
Я не хочу такое счастье.

По мне пусть дождь и снег
в ветрах всё чаще северных,
морозы,
грозы,
град.
Мне всё терпеть, терпеть
и пережить.
Я так хочу прожить.

31.08.2013

***

Факультет открыли новый
в универсе —
тлумачи Конституции
дебри
конституционные
изучать будут двенадцать лет.
Затем стажировка
в суде проституционном
высшей инстанции
под юрисдикцией
пацаньячей
ещё неполных четыре года.
И экзамен выпускной
комиссия будет
принимать
два года.
И выйдет в мир тлумач
уже серьёзный.
Он разберётся
в конституции страны
любой.
Дородный спец,
хоть и без знаний
языков иностранных,
но он тлумачить
будет по наитию.
Специальный курс
особых знаний
власть сможет любую
удержать
без оснований,
но по тлумачению его,
хоть двести лет,
и выборы не через
четыре года,
а цельных сорок.

И всё увяжет и докажет,
и суд проституционный
важно сядет
и утвердит
его решение за час.
Тлумачить
будет везде тлумач.
А ты, страна,
хоть смейся, а
хоть плачь,
но вводится
уже в следующем
году тлумач,
и продукты несъедобные
тебе засодит
как высший сорт.
И суд утвердит.
А тлумачество
станет пятой властью
навсегда.
И всё нам здесь удастся.
Конечно, да!

02.09.2013

***

Дождь на окна,
дождь на крыши,
дождь на деревья,
и лист
первый
жёлтый
в лужу
мокрый.

Пешеход под зонт укрылся —
дождь мешает видеть
листья —
и ногами топчет
он лист первый,
умирает вся краса
жёлто-золотая.

А листва
летит всё больше,
дождь смывает
их.

И осень
снова в гости ненадолго,
погуляет здесь с дождями,
обнесёт листву
и ляжет
первым снегом.

А потом уйдёт.
Так хочется в ней оставаться
и за мгновения держаться,
но время гонит
круг вращения
планетой.

Год за годом
лист уходит,
жизнь уходит,
мы уходим
под дождём,
снегом,
солнцем,
но живём
и дальше где-то.
А сейчас поём
здесь песни
хмурого дождя,
что с ночи
перешёл в день.
Дождь на крыши,
дождь на окна,
на дороги,
на прохожих.
Листья падают
под ноги,
в лужи, грязь.
На то и осень.

03.09.2013

***

Чтобы спасти лицо
главкома
перед страной
в Междунорье вновь
рыли спасительный
мозгами ход,
и не одной лишь головой,
и нашли
выход или выход.
Всё оказалось просто
как декларации
про годовой доход.
Продали сто с лишком
гаектаров Клёзову,
депутату
с терриконов,
близкому к семье главверглавкома.
Народ так ничего и не понял.
Третий день льёт дождь.
И кто кого?
Дождь, или люди его?
А Междунорье
остаётся
все равно прелюдией
к опёре, или оперы
потом,
когда завалят
крысы трон.
Они его давно грызут,
там много пищи
и отходов.
Всё метут.
Но не забыли
о ногах,
“освященных” больших
столбах,

об них и чистят зубы
и крысы,
и приблуды,
приплевшиеся на халяву
оторвать
хлеб с маслом,
рыбу,
мясо —
и в рюкзак,
и в рюкзак.
И рано, поздно
отгрызут те ноги,
что держат место
тронное.
Совместно
могут упасть
и тело, и сам трон.
А, может, тело
будет в месте другом,
тогда лишь трон
ляжет на бок,
сделав реверанс
столбом-ногой.
А опёра, или оперá —
всё потом
расследуют.
Но поздно будет.
Как всегда.
В Междуорье
зайдёт весенняя вода
и скроет все грехи.
А дождь шуряет
третий день.
И люди все, как рыбаки.

...А Вова Путин
позвонил мне
в рукопись
сейчас вот прямо,
и говорит:
— Нахалы!
Разве так моют
лица перед народом?
Они позорят
самого главкома.
Ведь всё останется
как есть:
оформят лишь
на Клёвова
гольф-поле, лес,
коттедж.
А гектары те
отдать нужно было
народу.
Нарезать соток
по шесть,
и пусть копают ходы.
Вот это была бы
мойка рожи!
А так — туфта.
Не поможет им, поэт,
и вешняя вода.
А я строю Союз.
Уже есть шесть стран,
а, вдруг, и вы захотите?
Сразу заходите.
Ночью, днём,
или на праздник.

Берите люд, флаги,
и прямо, прямо
вдоль путей
железной той дороги,
где фирменный
летит
“Киев-Москва”.
— Ту-туу-туу-ту! —
делайте ко мне
вы ноги.

04.09.2013

***

Из стаи летящих
птиц над водою
падает пара
и неживою
лежит на воде
в скорбной печали
глаз потускневших
как этот вечер.
Холода наступают.
Мне часто не нравится
смерть бесконечная.
Но не вечно
царствовать смерти
и побеждать живых,
называя их ушедшими.
Всё умирает,
и все умирают
проходя через
горе, печаль
страданий
разлуки и расставаний.
Время как будто бы
лечит раны утраты,
но это только видимость,
а душа кроет шрамы
мудростью знаний,
надеждою веры
на продолжение жизни
в мирах как и прежде.
Но часто химеры
путают ясность
сознания веры,
и, вроде, напрасны
наши надежды.

А смерть как конец,
обрыв в никуда,
где вечная темень
и пустота.
Химеры безверья,
сомнений,
как черви,
которые точат где-то
внутри за грудиной.
И вера напрасна,
и жизнь,
которая кончится
в миг наш любой,
и оборвётся в обрыв —
землей всё закончится...
Химеры сомнений
червями в душе —
не от неба и Бога.
С ними нам
не пройти по дороге
в счастье надежды
и жизни по вере.
Химеры и есть
лишь химеры...

04.09.2013

***

С сильным ветром
мы сегодня встретили
день.
И я песнь свою спою
на печально-холодном
берегу.
А ветер ложится на волну
и гонит её
всё ближе к берегу.
Волны растворяются
в камнях,
брьзгами и пеной
катятся назад,
обратно в море —
там просторы.
Но ветер правит
и гонит волны
всё быстрей и выше.
Солнце оранжевым
кругом
сквозь стальные тучи
вверх поднимается.
Хмурый рассвет.
А я пою,
и ветер музыкой мне.
Волны несутся,
и бьются в камнях,
брьзгами, пеной
возвращаясь назад.
Песнь моя
громко несется
в ветрах.

И море, и волны,
и осень,
и солнце,
и стали цвет в небе,
по воде.
Я пою громче,
ветер
музыкой мне.

04.09.2013

***

Путающиеся ногами,
потому что
запутанные головами.
И топчутся, путаются
в себе
и между собою.
Без пут, кандалов,
но головою
руководят умело и дерзко.
Оклик направо,
окрик налево.
Гонят прямо,
затем назад,
и так бесконечно,
и всех вподряд.
Это план?
Или подряд?
Субподряд?
Субподрядчики безумно рады
от такого контракта —
деньги льются рекой,
и гладко
проходят работы
по обезличиванию лиц
многих.
Гадко
бывает в душе
совестливых,
но они быстро уходят
в мир иной
теряя силы.
От этой путаницы
грязь под ногами,
то мокрый снег
издевается над нами,
то дождь неистовый
путь заливает.

Сколько сил и энергии
в общем
уходит в никуда!
Но грязь засыхает,
снег тает
и опять вода
всё смывает.
На душе становится
чисто.
Но у некоторых
ещё более гадко.
Неужели не видит
масса
как им извращают головы,
неужели не чувствуют
такого грубого вмешательства?
Путаются ногами,
и ещё дико радуются.

05.09.2013

***

Якийсь скажений сказ
зійшов на нас,
і всі сказилися нараз.
І скаженіли.
Ти і я.
Скаженным стало
все життя-буття.
Казилося і майбуття.
То сміх, то слози.
То горілка.
То цілющі води.
А сказ прийшов,
роздіяв мовби нас,
скажений день
і кожен час.
На вигляд всі здорові,
а замкнулися у домі
чи в господі,
і — раз —
пішов гуляти сказ.
Казилися газети
та журнали.
Скаженні книги —
поезія і проза.
Казилось телебачення.
І звірі
тікали далі в ліс,
бо люди йшли
з рушницями на них,
щоб, випивши горілки
півшідра,
валити все підряд,
що бігає, летить, а чи стрибає.
Сказ наче й минав
на недовгий час,
але казились інші.

Неначе ж все й було:
достаток, розкоші, харчі,
була наче й любов
та діти,
й хлібами колосилися поля,
і наливались яблука в садах,
світили зорі, місяць,
але сказ
ставав сильнішим
над усе.
І кожен випинав себе.
Крашанку на Паску
брав в кулак,
і воду пив святу,
хрестився,
і тут таки гнув мат на мат...
А Слово відійшло
святе,
і сказ гуляє серед нас
невидимий всім зовні.
Страшенній сказ
в страшенній день і час.

05.09.2013

***

Усього вистачить:
металу,
танків,
гармат,
пороху,
тротилу,
лопат,
солдат,
генералів,
офіцерів
нижчих рангів,
командирів,
дротів,
шнурів,
патронів,
кулуметів,
автоматів,
сірників,
чобіт,
штанів,
шинелей,
шкарпеток,
трусів
аби почати
військову операцію.
І поготів —
доста
неба,
землі,
та літаків.
Вистачить
ракет,
гранат,
шприців,
дерева на труни,
та прапорів.

Але чи стане совісті
у тих,
хто рішення
приймає політичне
щодо боїв
та війн?
Не стане.
Ні!
Вони ж-бо віртуально на війні —
по радіо воюють,
по засобах зв'язку.
А їхні діти
по палацах
ліниво час вбивають,
нема в них духу,
щоб творити,
немає духу
чесно жити,
тому й війна —
війна для бідного народу,
де він заслужить нагороду —
медальку на труну.

05.09.2013

***

Я сегодня,
а, может, вчера
силою силу
свалил на рога,
которыми сила
шла последние дни
на меня.
И сила застрыла
рогами
в двери —
рога наполовину
в эти двери вошли,
и дергает сила
ногами,
стучит о пол копытами,
так, что паркет
весь трещит.
Но я победил
сегодня врага,
а, может, вчера,
у меня просто
много лет уже
нет календаря.
Мы с любимой гуляли
день рождения жены,
той, что в сарае
печёт блины,
и продаёт по утрам
голодным студентам.
Я расстался с женой
одним лишь моментом,
увидел другую
и следом пошёл.
Взял её силой,
и счастье нашёл.

Я не бил её и не грабил —
я же вор и бандит,
и имею свод правил.
Это мент
может — вжик! —
ножиком бабу,
чтобы взять
её в кайф,
а затем ограбить,
убить, или простить.
У нас всё не так
как у ментов —
мы не калечим женщин.
Потом мы их любим,
лелеем заботой.
Я вот любимую
не пустил на работу:
гуляем и пьём,
музыка, танцы.
Друзья к нам заходят.
А жена и не знает
причины гульбы,
блины выпекает.
Но мне не до жены.
Сила пришла
снова с рогами,
и дрался я с нею
руками, ногами,
и засадил в дверь нечестивца.
Он там так и сидит
в плену уже тихо,
а я допиваю
всё, что можно допить.
Я умираю
от жизни в кредит,

который мне выдали,
а нечем платить.
Но кредиторы
жмут и хотят
хоть почки
мои, собаки, забрать.
Ментовские правила
здесь по Руси,
а нам, бандитам, ворам,
вешают
все их грехи...

07.09.2013

***

Отпусти меня, жена,
погулять,
молодость вспомнить
опять.
Не надолго.
Дней на десять,
может, пять.
А потом я буду
снова свою верность
тебе соблюдать.
Отпусти меня, жена,
погулять!
Я вернусь,
и буду тихо
на диванчике своём лежать.
Телевизор.
Пиво.
Доживать
мне с тобой счастливо
месяц, может, пять, ...
а потом, пусти меня,
жена,
снова погулять...

07.09.2013

***

Я главный гинеколог страны!
Я министр,
братаны-пацаны!
Мне мужчины все — козлы,
даже вы,
однопартийцы-дружбаны!
Дети мрут —
мне наплевать,
мне вакцины и лекарства
продавать.
В три — массаж,
и парикмахер — в пять.
А потом — гулять.
Водка и коньяк.
Греют тело, душу,
и не предают.
Я вливаю их
и с грустью
вспоминаю вдруг
молодость свою...
Мама, и роса
на траве у реки,
и я стою нага...
А мне уже шестнадцать,
и гормоны рвут.
Мне бы не купаться,
мне бы здесь гульнуть!
Но пришло и время,
и мой пробил час:
я рвалась из тела,
а он хотел назад,
я всё не отпускала...
Такой был первый, гад...

А теперь — держава
лежит в моих ногах,
но нет уж тех гормонов
и ощущений жить.
Лишь спиртное
гонит кровь
и память....
И беспричинный смех...

07.09.2013

***

В свободу
не стрелял никто.
Её не жгли
и не душили.
Она просто отдалась врагам,
а они её растали
и развратили.
Люди врагов почти все
полюбили,
вроде, за силу ломать,
за силу забирать
и воровать.
За силу врать.
За силу пропаганды
невинных обвинять,
и гнать слова, одни
и те же,
как роботы
в цехах,
где прежде
сидели люди.
Враг не так силён,
опасен,
враг — труслив,
как каждый враг,
и ясен своей позицией
к народу.
Но народ сам мutil
здесь воду,
и был не лучше тех врагов,
хоть по мелочам,
но тоже врал и крал,
да ещё пил водку
по утрам,

чтоб день не хмурым был
и не пропал
как жизни день.
И часто так.
И лень осмыслить все вокруг,
осмыслить прожитое
вдруг.
Душила лень.
А враг-то, враг,
как оказалось,
и не людям —
они свыклись с ним,
и завидовали силе
как Бермудам,
что глотали часто корабли.
Враг был Богу,
за извращение Заповедей
и осквернение земли.
Свобода стала
служкой для врага,
а людям всем простым
сделав рога,
показывала зад.
Люди привыкли так.
А многие и не хотят
другого.
Свобода!
Что им свобода?
Её любить нужно.
Заботиться о ней.
Кормить, одеть,
и дом чтоб был
как у людей.
Следить за нею,
охранять.

А хочется пожить,
поспать и погулять.
Свободу совратил,
я думаю, легко
не просто враг...
Богу враг...

08.09.2013

***

Тиран
тиранит свой народ,
и сам в том страхе
как урод
духовных немощей.
Слюнтяй,
но сила-то его
в штыках,
что рядом:
команда —
и люд вооружённый
на пистолетах
держит строй страхом,
и ходят строем все.
Тиран в мире не впервой.
Но все они —
одним лицом,
одними мыслями,
хвостом
оттуда, где нет
чуда, а мрак и затхлость.
Страх, внезапность
приводят к власти
силу зла.
Тиран как бог
народу.
Народ взывает
всякий час к нему,
и годы бросают
дух народа назад
на целые столетия.
Стоят столбы,
как вехи у дорог,
на тех столбах
портреты тех,
кто у ворот
тирана служат,
вроде, людям.

Тиран
тиранит,
убивает,
ранит
тела
подведомственных
актом рождения
на свет
в порядке.
Но прежде, чем
пришел тиран,
мы дух утратили.
Ран достаточно
в душе.
Забыли Бога и,
вообще,
запутались
в своих страстях.
Тиран
ведь не приходит
просто так.

08.09.2013

***

Монархия.
Автократия.
Демократия.
Было, есть, и будет.
Но нет порядка
нужного в стране.
Обманы с ложью.
Преступность,
коррупция,
и гнусность бытия.
Это родина моя.
И та, большая,
и эта, что сегодня
сама осталась.
И тянут её сильные
к себе:
одну руку — на Запад,
другую — на Восток.
Кости трещат,
и боль
не прекращается.
Триста лет
на части рвут.
Автократия.
Демократия.
Лжедемократия.
А была бы
Богократия
и здесь, и там у них,
у стран других —
правление небес
по Слову
заповеданному здесь
две тысячи лет
назад.

Но Богократия
весь враг
нечистым мыслям,
нечистым действиям,
и быстро
наводит
порядок на земле
сродни небес,
и Бог становится,
действительно, Отец.

08.09.2013

***

И снова коалиция штыков
для поддержки
на востоке
боевиков
из восьмидесяти стран
с ружьём —
оппозиция в борьбе
за трон.

Зачистка по Востоку
как игра.

Революция, где против власти
наемники,
вошла
в историю
абсурдом
и туфтой.

Антихрист план свой
гонит,
и порой
тошнит
и больно.

Но видят это немногие,
а остальным — игра.
И деньги за убийство
на войне.

Пора,
или же, время
зла.

Растление душ — в ад
с винта,
с гранаты
и ракеты.

Авианосцы бороздят
просторы
рек,
озер,
бассейнов,
ванн.
Какая глупость,
какая дрянь!
Они в морях и океанах.
Но я их вижу
в умывальниках и ваннах.
Наёмники берут Дамаск,
хорошо хоть русские
прозрели
поздно так.
Но лучше позже,
чем никогда.
Дамаск горит.
Идёт всемирная беда.
Дамаск падёт.
И что тогда?
Кто следующий
у вас там
в сейфе,
господа?

08.09.2013

***

Москва
новой России.
Ничего так и не изменилось.
Лето прошло
и осталось в прошлом
как и мечты, надежды
многих
в озерах заросших.
Осень первой изморозью
на крышах вагонов.
Ранним утром
я снова иду по перрону
как и десятки лет назад.
Всё как и было.
Чуть лучше убранство
в рекламах и свете
на первый взгляд.
В вагоне я не пытаюсь,
как раньше,
с кем-то общаться.
Телевизор подвешенный
включили
мимо желаний твоих,
и он начал трепаться.
Центральный канал России.
Шоу светских львиц
столицы.
Никто не стал удивляться.
Проститутки и содержанки
не перестают бахвалиться
богатыми своими ухажёрами,
подарками,
которые им дарят
наскоро —
автомобили, дома,

бриллианты в корзинах,
ведрами золото
и самолёты.

Красиво
жизнь протекает
Москою.

Откуда падение нравов?
Тоскою щемящей
от века серебряного
сверкающих теней,
что в прошлом лежит,
а там —
гений, гений и гений,
и тоже богатство
и проститутки,
но как-то скрыто,
стыдно.

Шлюхи
тихо сидят по борделям.

Больные мужчины
к ним заходят
по делу.

А Россия над миром
стоит куполами.

И поэты пишут
о любви,
родине
Бога славя.
Но раны
морали
где-то кто-то
в книгах отображает,
и радости, счастья
не испытывает
публика в зале,
как здесь,

заливаясь слюною,
завистью.
Сами не вышли
лицом и по телу,
сами остались на платформах
поездов отлетелых,
и скорбно спорят,
советуют и одобряют.
Но никто не вышел
из студии
плонув и растерев
всё ногами.
Ничего не изменилось
в тебе, Россия! —
деньги, гульба.
Лишь деградация
стала полной
от нагнанного
и выброшенного
изнутри себя ила.

10.09.2013

***

Я позвонил сегодня
в штаб
наших мотороллерно-ракетных
войск.
Трубку взял генерал,
и от карты Сирии
взгляд оторвал.
— Что вы хотите? —
спросил он меня.
И я, прямо как всегда,
задал вопрос:
примут ли его войска
участие
во вторжении в Дамаск?
Генерал молчал
минут лишь пять,
а потом сказал:
— Нам далеко на мотороллерах
идти,
тянуть ракеты
тыщи километров пути,
а так бы мы вошли,
победоносно
победив шиитов.
И снова молча
карту изучал Востока.
А я им предложил
глубоко
законспирированный
прорыв:
перебросить войска
через туристические агентства.
Взрыв радостного смеха,
и генерал предложил мне
должность зампотеха
и генеральские погоны.

— Это... —
подумал я.
— Я ведь пошутил,
а тут такая, вдруг, фигня!
Ракетно-мотороллерные,
блин,
войска
через турагентства
на Восток!
Что это за война?
Но делать нечего.
И я поехал
в штаб
получать форму,
документы,
и принимать дела.

12.09.2013

***

Рождение,
жизнь
и смерть —
одно целое,
и перерыва во времени нет.
Время неумолимо
сначала дает
первый свет,
а потом жизнь
пролетает
мимо.
Чужая.
Но, вдруг, обращаешь
внимание на себя.
А она ещё быстрее
чем та.
Люди умирают рядом,
но ты думаешь,
что для тебя есть преграда,
через которую
смерть не достанет.
Но она
быстро,
внезапно,
вдруг,
рядом станет.
Иногда это доли секунды,
иногда чуть больше минуты.
Иногда
часы,
дни,
недели,
месяцы,
годы.

Иногда вся жизнь
рядом со смертью
проходит,
и чтобы
оторваться
хоть на миг от неё
нужны нечеловеческие усилия.
Да.
Это моё.
Я её побеждал не раз.
Да нет.
Это Бог
не допускал её власть.
Завышенная самооценка.
Смерть подвластна
только Богу.
А ты думал, она кокетка,
что от неё можно
силой воли отвертеться.
Смешно.
Простой ты,
мой внутренний человек.
Простой.
Не более.
Она всесильна
как и рождение.
Как и жизнь.
Они трое —
одно целое
в одном времени.
Держись!
Рождение не лучше жизни,
жизнь не лучше смерти,
смерть не лучше всех их.
Они все прекрасны.
Они могущественны
и гармонично разные.
Но все три — одно целое.

Не разделить их нам
как мы это делаем,
а соединить в себе,
смирившись с красотой
передвижения
по миру, вселенной
во времени,
а потом и без времени...

12.09.2013

***

Не успел одеть
я генеральские погоны,
орден замочить
за переброску
первой партии
мотороллерно-ракетных войск
через турагентства
на Восток,
как ночью вновь
звонок.

Вова Путин.

— Шоб ты был жив!
Я так крепко спал,
а ты разбудил...
— Слушай, друг,
когда узнал я о твоих
погонах,
даже позавидовал немного —
так молод и красив,
и генерал уже.

Чтоб хорошо, братан, служил,
не опозорил меня.

— А ты, Вова, при чём?
Мы же отдельная, свободная
страна.

— Да нет, брат.
Я уже всё соединил.
— Вот дела!
— Слушай, генерал,
а что это за секретные
войска? —
спросил меня мой друг.
— Ну, мотороллеры, ракеты...
— Вот это да!
А крепят где ракеты?
За сидением?

— Да где, Вова, твои мозги?
Если ракету запустить
иззаду,
она же спину обожжет
солдату!
Ракета между ногами:
во время пуска
поворачиваешься боком,
потом ноги обратно.
А новая ракета
с багажника
на место старта...
И тут я понял, что пропал.
Я секрет военный разболтал.
А Вова мне что-то говорил,
успокаивал,
просил бежать в Россию.
Но я, набравшись силы,
бросил трубку
и вызвал проститутку.
И до утра — шампанское,
любовь...
Я всё забыл.
И мне плевать —
на те секреты —
такая женщина
на кухне жарит
мне котлеты!
Я кофе пью,
звоню в свой штаб
и указания даю опять.
А войска продолжают
по турпутёвкам улетать
в Дамаск.

12.09.2013

***

Любовь к Богу,
познание истины
в исполнении Его Заповедей
трансформируется обратно
Божией силой,
которая наполняет
душу и естество.

Дух силён.

Плоть со своими желаниями —
это дрова в адский пламень,
который затем больно
обжигает душу и тело.

Боли, болезни —
от желаний тела.

Они безграничны
и разнообразны.

Секс,
еда,
одежда,
украшения,
дома,
автомобили,
яхты,
самолёты.

Роскошь, роскошь, роскошь.

Слава, слава, слава.

Земная,
дешевая,
смешная.

Памятник-урод
и поклоняющиеся ему уроды
с венками,
цветами,
плакатами,
зnamёнами.

Слава и роскошь.
Плоть и ад.
Квадрат с кривыми
линиями извращений,
и опустошенность.
Душа горит от стыда,
уменьшается в размере,
прячется, убегает.
Она умирает,
а тело живёт и здравствует.
Люди с аккумулятором вместо души.
Жизнь тела
приобретает бессмертие на земле.
Его обновляют
пластиком,
золотом,
платиной,
бриллиантами,
сталью,
медию,
серебром,
деревом,
кожей дорогих сортов.
Человек-авто.
Человек-яхта.
Человек-самолёт.
Вечный по Земле полёт —
мечта идиота.
Она сбывается
уже.
Ура!
Но познавшим истину
любовь к Богу
трансформируется
обратно
в Божию Любовь.

Душа цветет.
А тело — груз тяжелый и вредный.
Божия сила
трансформируется
в любовь к Богу.
А телу стыдно.
В нём пробуждается совесть,
и оно смиряется,
обуздывая страсти и желания.
Хлеб да соль.
Бог да любовь.
Вечность и бессмертие...
Истина и Слово...
Сила Слова...
Просто человек...
Но, уже другой...

12.09.2013

***

Любовь.
Мудрость.
Их действие.
Краеугольный камень
мира духа
в мире материальном.
Мир Божественной
природы,
Вселенной,
рождающихся дня и ночи.
Венец творения
человек,
составляющий
мир или мирское общество.
Мир живой
в движении
рождений,
жизни,
и смерти.
Смерть страшит мир.
Мир удаляется от Творца,
и только беды, горе
вытягивают отдельных,
падающих на колени
перед Богом.
Последняя надежда — Он.
А должен быть
первой надеждой.
Вера растворяется в
бытии
забот,
суеты,
хаоса,
извращений,
зреющ,

развлечений,
чудовищ мысли,
гордыни,
лжи,
стяжательства,
дешёвой славы,
которая есть лишь узнаваемость
мелькающих лиц
в телевизоре и глянцевых
журналах.
Мир духа вечносиленный.
Он не отступает.
Он на краю
пропасти
держит мир человеческих
страстей
и толкает его
вверх, на гору.
Отдельные прозревают,
сбрасывают
оковы с глаз и души,
и идут обратно
в чистое пространство
узкой тропинкой
по колючкам,
камням,
стеклу битых бутылок
выпитого миром
спиртного.
А остальной мир
в дикой пляске
спускается и напирает
на край пропасти.
Упадут не все...
Прозреет мало...
Но это — будущий мир...

12.09.2013

***

Их рвёт
на части.
Их злость причастна
к их состоянию.
Неузнаваемы
стали они.
А были, вроде бы, людьми.
Особый пол
среди подобных,
но нет
мужчин
и женщин
годных
к расцвету жизни на земле.
Особый пол —
во зле,
во мгле
сумерков и ночи,
искусственно созданных,
и очень
сильных в своём напоре
на доброту людскую.
Спорят,
кто лучше для страны.
И выборы партийные,
и сны
мечтаний,
выбираний
из зла
лишь меньшее зло.
А были люди.
Их родство
осталось внешне.
А внутри
кипят из варевом котлы
с зельем
от самого сатаны.

И изменить их
так непросто.
Им уговоры
как короста,
они бегут
от слов
увещеваний.
А от котлов
тот едкий запах
отравляет всех,
и залпом
выпивается
чужое
зло приготовленное
вволю —
пей, глотай
и насыщайся!
Будешь наш.
Зло кипит,
клокочет,
манит,
и мы тянемся к нему,
забыв о Боге.
Почему?
А потому, что тем
немногим
очень трудно устоять.
Зло как мягкая кровать.
С ним дозволено
всё в мире.
С ним и слава, и кумиры,
с ним доступно
по ступеням
подниматься вверх.
А мнений тех, немногих,
в добром виде,
кто услышит?

Их обидят
и растопчут,
разотрут.
А сами
в свой круг
по новой.
Круг стал шире,
как большое море,
и волнуется в нём
зло,
злость,
злоба
и тонут, падая на дно
наши добрые дела.
Зло глотает
и расширяет ареал
своих желаний,
и, — хочешь, нет, —
но тянет, тянет...

13.09.2013

***

Война и мат.
Орёт комбат
роте солдат приказ,
и слово каждое лишь мат:
— Солдат! Ты должен убивать,
ети их мать!
И больше их,
чем нас они!
Солдаты сжались.
Воробыи,
с виду серые,
дети почти.
А в руках оружие,
и вся мутня.
Война.
И убивают, что есть сил.
Ряды противников косил
юнец,
и матом крыл.
А рядом ротный
землюрыл
лицом кровавым,
и волком выл,
и матом крыл
от боли.
И пулю
сам себе всадил.
И голове
его стало покойно.
Солдаты не жалели
в бойне
свинца, тротила.
Достойно
встретили конец
под вечер:

кто спал,
кто ел,
кто стонал,
кто транспорт в госпиталь
поподня прождал
и умер на траве,
полив её кровьюми.
— Всё!
Кричал опять комбат.
— Всё!
Готовиться опять!
Противник начал наступать.
Война.
Зачистка территории
для “бабла”.
Зачистка территории
для мурла.
И падают в огне
юнцы, простых людей
сыны, оставив родину
ради блэдней
политиков из нелюдей.
И всё быстрей, быстрей:
кто больше высадит свинца,
кто не жалеет мин, огня!
А вечером, за сотни миль,
“томагавки” начали палить
всю территорию до тла.
Их, “томагавков”, до хрена,
еще от СССР и США.
Куда их деть Америке?
Срок хранения
дошёл конца,
и варится опять в огне земля.

Варятся, горят тела,
и пахнет мясом, кровью,
пахнет палённой болью.
А кому-то, мангал
на дворе на заднем, —
играет музыка,
и мясо жарится
под вечер.
Здесь всё похоже.
И мясо тоже.
Но пахнет по-другому,
его же много.
А “томагавки” гатят
гадко.
За тот скандал
стажерки Моники —
не жалко.
И стресс снимается, однако.
А кнопки жмут
такие же ребята,
что и варятся в огненном котле
огня сплошного на земле.
Война и мат.
Для них — солдат.
А тем, кто
девок мял, кончал
на платье с шерсти
и мычал, —
им ждать других огней,
может, игры “Зарница”
для детей,
может, из ада,
может, грозой,
но отмщение всегда —
не за горой.

Оно идёт стеной
невиданной духовной.
Бой.
Мат.
Солдат.
Мясо.
Свинец.
Хозяин мира —
“томагавк”...

13.09.2013

***

Мы вещаем,
говорим,
заговариваем
зубы белые всем,
голливудской улыбкой
своей сияя
из дорогих сортов керамики,
увещевая,
обещая.
И нас слушают,
души в нас не чая.
Новой надеждой
под новым названием
партии чести,
но всё с теми же
желаниями
правды,
надежды,
добра
и свободы.
Но в партии члены
из старых уродов
упавших на выборах
ниже черты
прохождения вверх,
и пусты
оказались их речи, слова,
пусты обещанья зубам.
Детвора смеётся по дворам
с фоток дядек и тёток,
которые с бордов
лыбятся так,
что хочется снять
даже детям штаны,
и писать хотя бы
от счастья весны,

обещанной осенью
под хмурым дождём.
А дождь заливается
музыкой слов,
и мы засыпаем
под вечер
втроём:
я и газета,
и телевизор включен.
А дождь поливает
осеннюю ночь,
льёт он и утром.
И чем бы помочь
нас всех разбудить,
и под эти дожди —
глаза нам промыть
и головы внутри?
Холодом, холодом
капель воды
сузить сосуды
и уйти от беды!
Но мы, полусонные,
что-то жуём
под обещания говором
вновь.
А говорящие
оттуда всегда —
из СССР,
где атеизм и бесва
родители новых
дьяволят,
которые на плечах наших
сидят:
свистят,
увещевают
и говорят.

Под новой фамилией
партийный клич:
все на ударный рывок!
И кирпич
я вынимаю из дома
стены,
и выбегаю свободный
с людьми.
А дождь — мелким
и очень густым,
холодным,
на головы
и на кусты,
в которых засели
борды-кличи.
А говорящих нет
и в помине —
кричи не кричи.
Они в кабинетах
вещают возле камина.
А мы всё таскаем
на площадь свои кирпичи.

14.09.2013

***

Шел.
По ходу что-то ляпнул
с головой седой.
Напрасно.
Годы жизни пробежали.
Хоть в богатстве жил,
и правил
людом низшим за себя —
(так считал
парень всегда).
И манеры, чисто внешне:
рот вытереть на люду
салфеткой,
руки мыть в туалете.
А в душе — клозет,
и эти,
мухи,
из сарая свинских житий:
ранит сердце
пустожитель,
извинения спросить —
можно
унитазом смыть.
Всё уйдёт
и растворится.
И слова его как птицы
после падали вчера —
съели всё
и ищут снова.
Недолюди,
как половы
ветром сдуются,
уйдут.

А стихи
и слово —
вот что останется
по миру.
Недолюди
себе любимые,
себе кумиры.

16.09.2013

***

Фирмы социально-уголовного
у克лона
с бандитским направлением
работы
всегда готовы
принять на довечное содержание
пенсионеров
всего лишь
взамен квартиры, дома,
или антикварных интерьеров.
И пенсионеры в очереди
за бесплатно
дожить красиво —
уже десятки тысяч их
за время так короткое
дожили,
оставив и дома, квартиры.
Некоторые исчезли
бесследно.
Никто не ищет их.
Все в государстве
обеспечено,
ведь в олигарха
армия бандитов,
ей селить нужно в столице,
им деньги нужны
каждый день.
А где их взять?
И тут мозги тех всех
крутых
из девяностых —
тык-тык-тык —
и новая программа:
пенсионеров на кладбище.

Реклама,
фирмы,
брокеры,
врачи —
все на службе у бандитов.
Поспеши, старик, и ты, старуха,
за день, если подпишешь
все бумаги,
пойдет большая пруха.
Тебе врач даст укол
и таблетку,
и ты тихонечко
уйдешь,
как этажерка старая,
в утиль.
Большой ведь бизнес,
и всё открыто,
наверное, доход в бюджет,
рост ВВП,
и пенсий, и зарплат.
Министерству соцполитики — привет!
Отдали стариков бандитам,
а самы сыты, мыты, бриты
новые программы
пишут скрыто.
А кладбища большие и открыты.
Но смерть зато
легка и всё так
шито-крыто.
А я пишу открыто.
Это уже
не горе,
не беда.

Это — позор нам навсегда.
Эпоха бандюка.
Эпоха убийств
старухи, старика
ради квартир
для “общака”.

16.09.2013

***

Рояль стоит на одной ноге
на доске,
а доска на бетонной плите
балкона
последнего этажа
недостроенного небоскрёба.
Билеты проданы все.
Играет маэстро.
В руках его —
его жизнь.
Ошибка в движении —
и держись
за потоки воздуха,
вместе с роялем
падая вниз
и играя.
Но маэстро избегает
падения вниз —
равновесие держит жизнь.
А внизу крики:
“Браво!”
Аплодисменты
мокрыми от волнения
руками.
Пот холодный по спине,
кровь стынет в жилах,
но публика не слушает
музыку —
она ждёт падения
вниз.

А маэстро
играет Баха,
а маэстро
играет Бетховена,
и музыка тянется
нитью тонкой,
и логика
в этом видении.
Так захотел
правитель комедии
новой империи,
где взяли власть
отпетые,
потеснив буржуа за двери,
на задворки.
А музыка летит равнинами,
летит над горами
и долинами.
Маэстро не устает —
гаммы, гаммы...
Уже ночь,
и публика
устала ждать,
чтоб...
Рояль стоит на одной ноге,
на доске,
на бетонной плите
недостроенного небоскрёба,
чтобы
достроить урода.
Фирма-строитель
украла деньги.
Дом заложили в банке.
Растут проценты.

Несостоявшиеся жильцы
роскошного дома
в виде пока остова бетона
не бедняки.
Маэстро спасает их
деньги,
рискуя собой,
чтобы...

18.09.2013

***

За сто лет —
четыре эпохи.
Российская империя
с орлом двуглавым
и царь на троне,
затем Октябрь Великий
и ещё больший Ленин.
Потом войска ввёл
Алоизыч,
но то не долго,
и немцы
откатились не солено хлебавши,
и Сталин вновь
Советской империей
в виде увеличенно-расширенном
заправил.
А дальше —
новое вновь время.
Содрали мы с Запада
систему,
и, вроде, сняли всё как
там у них на кальку,
через стекло с подсветкой.
Но кромсали
потом все чертежи.
И пошли вожди
со своими мухами в башке.
Кто что хотел,
то и внедрял в стране.
Улица центральная роскошная
меняла названия
непрошеных

во славе
от корон —
то Фундуклеевская,
то Ленина,
то Штрассе от Адольфа,
а тут Хмельницкого Богдана.
Хлопцы новые пришли
надолго,
скорее, как Советы,
а, может, царь на троне.
А улица завыла, загула.
Улица пропала.
Фонаря не видно
из-за кранов:
стройки, стройки,
и болваны
объясняют людям
красоту.
Царь построил улицу в любви,
Советы пожалели и не жгли,
Адольфа хлопцы так,
чуть-чуть, помяли...
Но эти, наши!
Во первых всё забрали.
Во вторых застроили
всё, что можно,
и изуродовали так
как их чертям возможно.
И стоят остовы
из бетона.
Скандалы, кражи
и вандальня.
А улица рыдает.

Но скandalно
ведут себя хозяева
эпохи,
ещё бандитов прут
и рейдеров
на стройки.
Обещают красивые
дворы —
в деревьях, клумбах,
площадках для детворы.
А время гонит их
ребят
к черте
эпохи новой,
где придут другие все.
Улица пока стоит.
Выдержит бетон, гранит.
Выдержит
архитектуры мрак,
и деньги вложенные в неё
в этот страшный час...
А, может, кто-то
“сглазил” старательных
и самых
дикуспешных
в строительстве
коробок
на улице
потешных,
замерших
в недостроенности
их бытия...
А, может, чьё-то презрение
ко лжи и беснованию “деятелей”
воскресило правду убитую
на время короткое,

чтобы стройки эпохи “наших”
обломать
и в виде расхристанном
оставить умирать...

19.09.2013

***

Ноябрь
махнул не глядя
с сентябрём
холодными и бесконечными
дождями
по два-три дня кряду.
Что день,
что ночь —
тёмная картина —
свинцовым куполом небес
дождей рутина.
Листья гниющие в воде,
бредущие куда-то люди.
А где-то бабье лето
гибнет.
Ему прорваться
сквозь густые сети из дождя,
наверное,
уже и не удастся.
Сентябрь сменялся
с ноябрём...
А что ноябрь?
Надежда солнца
с сентября.
Но это так, пока,
чтобы согреться
мыслями о тепле.
А дождь всё льёт
и льёт по мне,
и нет надежды...
Бабье лето
всё-таки
погибнет где-то.

И только память
паутиной
над рутиной
дождей и холода
от ноября...

20.09.2013

***

По ходу, по ходу, по ходу,
как-то быстро, бегом
мы проходим,
и, сжимая слова в пакеты,
говором быстрым
мы втискиваем в сознание тех,
кого встретим.
Чаще по делу.
Часто без дела.
Без умысла злого,
но и без добра,
так, гоним слова
о ком-то, о чём-то,
а в целом ни о чём.
И голова часто болит
от пустых разговоров,
бесконечно открытых ртов,
и кто кого здесь.
Перебиваем и тиснем пакеты
слов сжатых в комки,
лишь бы сбросить.
Ответы
нас не волнуют.
Да и не нужны.
Лишь бы выговориться.
Со стороны,
часто, смешно.
А, часто, завидно.
Люди говорят, говорят,
а нам обидно.
Многие просто одни, одиноки,
и им некуда выговорить
некуда сбросить.
И мы говорим с собой.
Ого-го!

Высоких идей
и материй излишних
все стали философами,
и умны в форме любых
безразличий.
По ходу, по ходу, по ходу.
Бегом.
И на ходу жизнь
напролом
через плотину людских
чувств и страданий.
Рвём эти дамбы
и зарываем
кровью, слезами
всех на ходу.
А что после нас?
Да, я иду.
И мне всё равно в этом
круге квадрата
с рваными стенами
и ходами обратно.
А под землей норы, пещеры.
Мы в них заходим,
от нас так хотели.
По ходу, по ходу, по ходу.
Себе — всё, что можно,
и Богу — чуть-чуть.
Когда стерты ноги,
и нужно лежать,
вдруг, вспомнишь Его,
и пошел громыхать.
И Бог, и Отец, и Мать,
и любовь.
И просим себе и близким —
готов перечень просьб
давно в голове.
По ходу, бегом,
по асфальту, траве,

и следы исчезают,
и наши дела
тоже растают как
роса,
и трава
скосится кем-то
с тропинкой кривой.
Это я там ходил.
И думал, и мерил
себя на фронтон
высокого здания
портретом
с лицом зоосада
диких приматов,
небритых
и страшных
от ужасов клетки.
Но тоже бегом.
По ходу, по кругу,
по прямой
мы идём.
И где-то — скучая любовь
на ходу.
В трамвае, поезде.
Ой, упаду!
А она ещё верит
и ждет
вопреки.
А мне снятся сны:
лопаты, штыки,
и ямы, и ямы по лицу земли.
Я эти сны ненавижу,
но говорю: “Потерпи!
Может, приснятся цветы...”
Ха-ха!
На крышке гроба.
И, лучше, чужого.
Своего не хочу.

Я любуюсь собою.
А кто-то мне снова
в телефон о делах,
о чувствах высоких,
и кавардак
тот в голове
принимает слова
и пихает их в ящики.
О, голова,
как ты больна!
Сколько забито в неё
трухи,
толстых гвоздей,
и сквозняки
от окон открытых
и слома замков —
украли защёлки,
и в металлом.
По ходу, по ходу,
и на ходу.
Двигаюсь жизнью,
скорее, бегу,
на что-то надеясь,
ещё и смеясь.
Но чаще зверея.
И в закромах
рваных карманов —
пустота и ветра,
остатки табака,
зажигалка
и спирт, чтобы залиться и
спать как удав,
свернувшись в колесо.
О, как я устал!

Но утром вновь солнце,
и тихий стон от жены.
Ещё есть надежда.
Полежи.
Отдохни.
Но ноги в ботинки
лезут
как лопата
в землю
в тех снах.
Я их ненавижу
и ухожу.
По ходу, по кругу
и на ходу,
что-то там Богу,
и себе всё гребу и гребу...

20.07.2013

***

Зелёное Солнце
и Луна как янтарь.
Мне снился сон,
и я загорал
в зелёных лучах
зелёным загаром,
и от избытка чувств
угощал всех нектаром
из огромных цветов.
И вместе с пчелой
пел песню о диве.
Росой крылья помыл
шмелю,
и затеял праздник в лугах
зелёных и красивых.
Собирали миндаль
и запивали нектаром.
Оркестры от всех птиц
и насекомых,
сводные, мощные,
играли для Солнца,
а позже немного
и для Луны.
Я так устал от праздника...
“Спи...” —
мне мама шептала,
и я вновь засыпал,
и музыка та же играла
всем нам.
И песни хоров
неслись над лугами,
речка волнами
нас омывала.
И я здесь впервые
влюбился в неё.

Глаза цвета Солнца,
и Луны цвет на тело, лицо.
Красивые волосы,
а на рассвете вся с янтаря —
на свете такая была лишь одна.
Как я был счастлив!
Думаю, что и она.
А Солнце с Луной
вокруг Земли.
А мы с молодою
пели и шли,
лаская друг друга
глазами в любви,
а руки...
Руки остались до сих пор
теплы
от прикосновений
к янтарным рукам.
Я так любил
впервые
и сам счастью не верил,
и сон отлетал.
Но мама что-то шептала,
и я снова спал.
Не уберёг.
Не захотел.
Самоуверенный
ушёл, улетел.
Годы и годы...
Всё так непросто...
Зелёное Солнце...
Огромное Солнце...
Луна как янтарь...
В памяти всё.
И я как не спал...

20.09.2013

***

Самоотречение
и самоухождение
от себя.
Ради Бога
и тебя, мой народ,
и люди мира.
Ради вас
уйти,
и смиренно незаметно
послужить
всем страждущим,
и в вечность отойти
лишь духом
чистым
с любовью
к Богу,
близким.
Но это трудно
и почти что невозможно
уйти
от соблазнов
ублажения плоти —
сколько есть всего
и всюду!
Путешествия,
курорты,
клубы,
бары,
рестораны,
казино,
стриптиз,
бордель,
шопинг.
И оно —
ради чего живём —

конечно, золото
и блеск его,
кайлом
пробивает брешь в душе.
И там мы его прячем,
и везде.
Но уже
не отречься.
Но уже
не помочь ближнему.
В больницах нет лекарств,
там — как биржа:
кто богат,
акции скапает сходу,
хоть болезнь его
ко входу
к той черте...
Но лекарь — брокер,
и везде
найдёт лазейку
для подъёма
индекса,
а пациент
за жизнь летящую
в тартары
платить готов
хоть золотом
с самой души,
хоть с кошелька.
И врач берёт.
А милосердие пока
в грязном туалете
прячется возле
сливного, блин, бачка —
а, вдруг, увидят
и отмоют,

и выльют из него помои,
которых накопили
страстью
к тельцу золотому.

Опасно
подошли на грань,
за которой только
духа черного рвань
машет крыльями
и жалобно скулит,
просит, просит
и манит.

И мы бежим.

Да что нам та больница!
Вот в доме престарелых
умертвиться
можно всего
лишь за часок
из-за квартиры.

Да, старичок.

А зачем она тебе нужна?
Нам деньги ближе,
а тебе — хана.

Самоотрекайся, старина.

И чашу свою
пей до дна
как учит вас,
ваша религия.

А я ведь тоже верю.

И я боюсь ментов,
холера.

Я боюсь бандитов
со степей
от терриконов,
и испытывать судьбу —
кто сильней? —
я не хочу.

А в детских садиках
и школах
педофилы педофилят
и наколки
им дают друзья.
Да что там школа!
Сами ректоры,
профессора
самоотрекаются от
всякого добра,
от истин свыше,
и ради денежек
идут на всё,
и озорничают со студентками.
За что?
Да за науку,
которой в этой жизни
сплошь непруха.
Ведь самоотречение
ради науки.
А кто пойдёт на это?
Суки!
Суки!
Суки!
Так опустить морали планку!
Как нас спасти?
И что нас ждёт
в этой стране потом?
Взрастут ведь новые
на этом удобрении
с ушедших.
Зубами,
лапой в когтях
так схватят
один другого!

И кто их разведёт,
не даст сожрать
друг друга?
Поздно...
Но шанс есть
постричь баранов,
и не искать врага
в России,
или там в Европе
педофилов,
а взять своих
и чистить,
чистить
руки-граблевилы...

21.09.2013

***

Отмщение,
месть,
ненависть
в злобе.

Круговая порука
и стадные гоны,
когда лишь инстинкты,
а разум уснул.

Громкие свисты
разбойных акул,
и как на охоту
выходят травить.

Гонят и ждут,
чтобы убить,
но не простить.

Обычаи, нравы,
отсталость веков...

Когда-то разум украли
и наплодили дураков
для войн
и отмщений,
и верных им слуг,
но те продавались
и ненавидели вдруг
прежних хозяев,
а новым клялись
потерянным разумом
в верности жить.

Отмщение,
месть.

И злость заливает
глаза и пустой мозг.

Другого уже нет
ничего.

Убить.

Убийство.

Или кто за кого.

И эти нравы,
обычаи
в кровь
вгоняли себе
и близким,
потом
обижаясь на жестокость
людей.

А люди терялись
в безрассудстве идей,
правил систем
и устройства страны.
Через дорогу всего
каждому из них
до сатаны.

Но к Богу вздымали
руки в крови,
о Боге мечтали
и к нему, вроде, шли.
Но через дорогу
жил-был сосед,
и он понемногу
склонял их
во вред
помыслов тайных
и открытых
в цинизм.

Отмщение — камень
брошенный вниз,
когда по скале,
цепляя другие,
камни летят
уже лавиной
в долину
и там разбивают
дома и людей.
Один лишь был камень,
а горя, а бед!

Сдувая пылинки
с костюмов “кутюр”,
они приказ отдают —
а за этим за всем
всего только месть,
а, может, уже
желание зависти
забрать всё у него,
у этого ближнего,
что он накопил
за жизнь короткую:
ещё и не жил,
а состояние
выше небес —
богатый, удачливый
бес!
Отмщение,
месть.
В них всё начало.
И гонится
зло волной
без причала
и без берега
дальше вперёд.
А там шакальство
ищет брод
через залитые
берега,
чтобы убить
как будто врага.
Аж стонут
и льются слезами
вниз небеса.
Как вразумить
мир
и будто бы
“умных” пока?

Месть стала проста
как суeta,
и удивить уже ею
нельзя никого
и никогда.
Но это так кажется
нам всем, пока...

21.09.2013

***

Рваные черные тучи
как мятые скатерти
с неба свисают.
С них последние капли
дождя слетают,
а в разрывах — лучи
от солнца,
первые за последние дни.
И хочется бегать
под уходящим дождём.
Но тут гром,
снова гром
с эхом раскатов,
дождь стал сильнее,
тучи сомкнулись вновь
сплошным покрывалом.
Исчезли
проблески солнца.
Дождь не собирался
так просто расстаться
и кончиться.
А лужи — в ручьи,
и — речками — вниз
по тротуарам, дорогам.
Поберегись!
Автомобили
обливают прохожих.
Смех!
Еще больше смех!
Все и так мокрые.
А водители бравируют —
шик и блеск
слепящих бортов в лаке.

Вдруг, яма —
провалилась трасса —
и первый уже там колесом,
за ним второй —
достал его сзади носом.
А дождь льёт и льёт
беспрерывно.
Зонты рвёт ветер.
Вечер.
Дождь стал тише.
И я тоже.
Смотрю из окна
на прохожих,
на отблески воды
под фонарями,
блестящий мокрый асфальт,
и ямы, ямы
с лужами.
Автомобили мчат,
стреляя водой вверх.
— Бескультурье! —
подумал я
и бросил окурок вниз из окна.
Фигня!
Чем бы занять себя?
Дождь и лень.
Скоро ночь,
потом день.
Сон медленно побеждает
тело.
Мне что-то снится,
я просыпаюсь то и дело.

А город гудит,
летит,
куда-то мчится, мчится.
Дождь
кажется уже бесконечным,
и барабанной дробью
в моё окно
всё сильнее стучится.

21.09.2013

***

Безнаказанность
рождает следующую,
а там и цепь
безнаказанностей,
и, кажется, всё так и нужно,
и по-другому
уже и не хочется.
То ли политик нечестный,
то ли вор и убийца
бесчеловечный —
преступления становятся
в ряд,
одно за другим,
и он рад.
Его покрывают
такие как он.
Круговая порука
кругом.
Законы уже
не для них.
Честь и совесть эпохи?
Затих
на мгновенье.
Подумал.
Громко, вдруг, рассмеялся.
Я же ведь умный,
а то были другие —
их партия сошла
по непродуманной
линии.
А у нас всё в запасе.
Всё продумано,
и даже тот
черный возможный час.

А днем, вдруг,
автомобиль
срывается с трассы —
и сразу в утиль,
а те, что внутри,
испустили дух.
Безнаказанность тоже
друг.
Правила не для вас,
оголтелых отступников
от народных масс.
А что массы
те глубоконародные?
Они тоже злоупотребляют
как и их водные:
где-то чуть стырят,
где-то обманут
друг друга,
в семье.
Так и проходит
наша здесь жизнь.
Безнаказанность
рождает следующую.
Страна, держись!
А то не устоишь...

22.09.2013

***

Мне бы собраться
и оттуда убраться.
Мне бы уйти
и там не остаться,
где была ложь
в нищете истин,
где каждый рос и
уже до того часа
был всеми обижен.
Где всё так несчастно
и с серыми стенами,
где никто никому
задаром не нужен,
где человек,
пока лишь дитя,
уже был искромсан
глубокими ранами
на дальнейший
нарыв.
Где тихими ранними
рассветами дым
от уходящих дней
в никуда.
Где сплошная
была пустота
и пустозвонство с
дешёвым вином
разлитым в стаканы
с грязным побитым
давно уже дном.
И хмель с нищетой
пополам в головах
таких ещё юных,

готовых за так
жизнь свою
сероубогую
отдать за страну,
за строй.
И, шатаясь от водки,
рвались в бой,
ожидая конца
пустоты и дешёвки.
А душа замирала
от страха несчастий
и ожидала чего-то
лучше, богаче,
чтоб яркие краски
за морем надежд.
Но санки с горы
толкал сам бес
в ворованной шапке,
укравший хлеб-соль
и вино,
разухабисто пьяный.
Но мы терпели,
ещё веселясь
в этой угрюмости,
где только грязь.
Постели черны
годами уже,
и матрацы все в дырах,
сон как рубеж —
с него не проснуться,
не выйти сейчас,
с него — оклематься,
опохмелиться
и час
смотреть в потолок
с окурком из урны,

и дымом противным
чистить ум,
которого было
на день, по хорошему,
а в голову гнали
гниль как горошины
обещанием счастья.
Но Бог сохранил
и вывел меня,
и вывел других.
Но грехи наседают.
И мы беспокойны —
раны оттуда
тянут на подлость.
Тянет на ужасы
жизни убожество.
С нами Бог.
Но мы, как ничтожество,
не можем забыть
прошлого серого,
и тянет нас в грех
натура безмерная
в выборе добра и зла.
Кто куда?
Но мы
мешаем это всегда
как коктейль,
и не спим по ночам,
и пьём лекарства
вместо водки дешевой,
и курим ладан
по углам бестолково,
чтобы изгнать
бесов из дома.

А сами-то, сами! —
частью остались
в том далёком
и страшном,
от ужасов жизни
безумном,
общем доме.

22.09.2013

***

Четыре пятьсот
и десять восемьсот.
Деньги или год?
Может, наоборот.
Но я бы там быть смог.
Площадь и трон.
На нём царь.
В темнице — бояре,
которые силу у царя
забирали
и себя над царём возвышали.
Воины клянутся в верности.
Одни — царю,
другие — сами себе,
третий — боярам
как данность судьбе.
А по реке идут пароходы
красного цвета,
и трубы — под воду, —
чтоб экология не пострадала.
Спрятали дым
от глаза хурала,
который следит
по азиатской границе
за всеми,
за всем,
и не пробиться
даже
в Европу
через щиты.
Только духом.
Умер,
и ты вправе лететь
куда тянет тебя —
так говорят
втихаря господа.

И стонут бояре
за решеткой
в мешках каменных
застенков сырых.
Пропах воздух
здесь злостью
на царскую власть.
Бояре хотели поправить,
но смогли только упасть
в руки хурала,
а в того суд скорый,
прирученный.
...А, может, это деньги,
а не годы?
Может, пачки всего лишь,
а призраком год —
всё так похоже,
но наоборот:
назад прут машины,
и номера
тоже блатные,
но на фонарях,
и свет пробивается
в щёлки чуть-чуть.
Гонят машины
быстро
и бьют друг друга
не жалея металла,
горят,
но трубы не так
как сейчас:
трубы в баллоны
на заднем окне.
Баллоны взрываются
часто,
и газ ядовитый
взлетает грибом.

Водителя жарят тогда
на костре —
бомжам бесплатный обед.
Воеводы собрались
в столицу,
чтобы царю и царю поклониться.
А что, вдруг, два царя?
Да это двойник его
из пластика.
Вот это да!
И полицейский свистит
в перекресток,
и свисток его —
электронный помощник, —
на глазах линзы
с подсветкой,
чтоб видеть всех,
и кого — матом,
а кого — и приветом
ногу подняв на
стойку у трассы
и руки вверх:
вот, мол, порядок,
и я вам предан
до нету-нельзя!
А люди снуют
туда и сюда,
но тоже задом
и на карачках,
на специальных
тележках,
и с мелкой поклажей.
Это работа —
возить царю золото
от алхимиков.
Его горы там.

Золото делают из отходов
людских,
даже туалетных —
мигом всё к алхимикам,
а те колдуют над всем этим
быстро.
На выходе золото,
и подпись
с кого оно вышло.
Годы или деньги?
Лучше, второе.
Так нужны мне,
а годы — пустое.
Что-то и тянет меня
к ним теперь.
А точно, — понял я, —
золото!
Вот жизнь без отходов
и без потерь!
Сытная, видно,
и без забот,
а здесь — горы мусора,
а химики съехали все:
кто за рубеж
кто на погост...

22.09.2013

***

Когда-то по нашим дорогам
с одной выхлопной трубой
бегали автомобили.
И неплохо по тем временам,
как помню я,
они дымили.
Особенно
ЗИЛы,
ЗАХАРЫ,
МАЗы.
Дыма хватало населению.
— Заразы!
Темнели головами люди.
На дорогах появились
“новые” русские и украинцы
с двумя трубами
под хромом.
Завидовали им,
как можем мы,
и проклинали тех богатых
врачи,
учителя,
бомжи.
А время шло.
И тяпались куски от
“пирога страны”
всё больше.
Перетравить их уже
не мог никто.
И Дойчланд
погнал на рынок
авто
на четыре выхлопные
сразу.
И население присело
от расстройства психики.

— Заразы! —

Одно звучало в головах.

А так — молчали.

Зависти было,

как сказал бы грузин,

по самый “вах!”.

И провожали жадным взглядом,
вдыхая дым из четырёх труб враз —
живут же люди!

Дыма с выхлопных
сегодня всем по горло.

Куда его девать?

И стало многим горько.

А я видел миры другие.

В зависимости от статуса

автомобили там живые,

и от одной трубы —

аж по шестнадцать,

и все из золота чистейшего.

Богатство!

Тех миров немало.

Бомжи, например, с одной трубой,
и поворот только направо.

Учитель — в две трубы машина.

А самый их “крутой” —

десять, двенадцать.

Сила!

Шестнадцать труб —

только у власти.

Менты — двенадцатью наделены.

И счастье,

когда и десять выхлопов в машине.

И газа выхлопного нет.

Его в ад закупили.

22.09.2013

***

Я упаду
и снова встану.
Чуть постою,
и зашатаюсь,
упаду вниз,
и снова встану.
И только раны
моих ударов
от падений,
и кошмары
мыслей, желаний
вразрез
с мечтами
далёких дней
из детства с солнцем.
Только грех
уводит в толщу
бесконечных терзаний
духа.
Там был не раз.
Но вся наука
на недолгий час.
И снова — падать,
стонать и плакать,
с трудом вставать,
чтобы опять
ахать от новых бед,
грехов со страстью,
и уходить в свои
несчастья,
искать вину и виноватых,
жену с семьёй
и дом, в котором мне
беда и боль.
И редкий свет.
Бог!
Я с Тобою.

Но ненадолго —
опять затянет,
и я паду.
А, вдруг, не встану?
И с той самой точки
пред Ним я стану
на Божий суд.
Не дай мне жуть
такой конец,
и смерть на взлёте греха
и бед,
не дай страданий
моим потомкам
из-за меня!
И снова падал я вчера.
Падал сегодня.
Ещё не встал.
Молитвы к Богу —
там мой причал.
А Он согласен?
Не думал я.
Но верю в ласку,
любовь Отца.

22.09.2013

***

Вова Путин позвонил.
Я с ним ругался,
Уже нету просто сил
с этой Россией!
И кто всё это замутил?!
Олигархат, бреханизация
людовы,
дебилизация страны.
Горбачев сбежал с корабля,
Ельцин тоже двинул от руля,
хоть и в места не очень,
но там всё-таки легче.
Осень.
Дождь.
Вода смывает дома, дороги.
Гибнет урожай в полях.
А ноги
болят от топтания на месте.
Империю хочет Россия.
Вместе
с Украиной,
вкупе
с Азией средней,
ещё бы и с Гваделупой
да Кипром —
ведь там капитал российский.
“Щуки”
от экономики тырят по стране
и здесь, и там,
вывозят всё вполне,
оставляя крохи.
И кричат об экономике
Европы,
она, мол, тоже
плохо.

Метвельчука-кума поднял
Вова с нафталина,
коммунистов пристегнул к нему
по Украине,
деньги влил в них
по немогу,
и начался процесс
за оттаможенный союз.
— Умру!
Мне бомж сказал.
— Такие “бабки”
Вова здесь загнал
чудищу куму,
которого ненавидит
вся страна.
Умру!
— Да брось ты, парень,
из-за Метвельчука
на свет на тот!
Живи и жуй
на полный рот.
И Вове я всё это рассказал.
Кому ж ты, говорю, деньги дал?
Ты ж их про...
стите,
профиговал.
И что Россия?
Шакальный оскал дикого
эгоизма
под новзванием
либерализма.
Вы любите с Хрущёва
всё с мягким знаком.
Так получите бяку.

А где, Вова, народ?
Его самоуправление?
Урод какой-то правит
тут и там.
Уроды по местам.
Уроды по углам.
— Уроды!?
Я те дам! —
кричал мне Вова. —
У нас растет всё поголовно!
И ВВП, средзарплата!
— Растет, Вова, дикость ваша.
Ты бы изменил систему:
краденное забрал у воров.
— Так будет кровь большая,
если национализировать...
— Ни фига, Вова, не будет!
Кровь и так лют люди.
У нас, у вас убийств
сейчас
как на войне за час,
и бьют за деньги
и по-дури,
пьяной, злой.
Менты плюс в “шкуре”
хотят жить и пожирнее.
Вова!
Мне жаль тебя,
Россию
и всё наше.
Мне жаль людей.
По бардаку чердачат.
Мне всех вас жаль
за стройку Тышевка
Царства тёмного
для оболваненного человека...

Звони,
пиши...
Я друг тебе и брат.
Но сделай хоть что-то
хорошо,
а не просто так.

23.09.2013

***

Сказал,
забыл,
пообещал,
внутри себя
всех их послал.
Под дурака играть
дешевым театром
местечковым
стал,
мол, на уме себе,
я свой
такой пацан.
И снова говорить и
обещать,
и снова всех послать,
и за своё,
и для себя.
Слова летят в пустырь
опять.
И говорит, и говорят,
а слово как половка,
глядь —
ветер вновь понёс
игриво
обещанное так красиво.
И стыдно мне
за всё вчера,
и за сегодня
до нельзя.
И стыдно будет завтра.
Слова и слово дал,
но жалко,

и говоришь, лишь бы
замять и успокоить.
Врать и врать.
Как человеку устоять?
Слова не в мусор же
бросать?
И обещать, так исполнять!
Да!
Нет!
И разговор короткий:
дело делать,
а не бесу смех.
Позор,
и гниль в костях
от врак.
Позор,
и сердце
как дурак.
Позор,
но говорит чудак,
и ему верят
просто так.
Да!
Нет!
Научись их говорить.
Дал слово,
выдержи как жизнь,
а нет — пади,
лежи
на паперти,
проси,
моли:
— О, Боже!
Всех нас пощади!

Мы все больны,
говоруны и болтуны,
брехуны,
а лучше б были
молчуны,
или калеки, как немые.
Лучше б мы...

23.09.2013

***

Донецкий патронажный
пацанат
накрыл страну.
Патронажно-патронные
сестры и братья
все в дыму
лёгкой победы
над врагом.
Враг мнимый был.
И тихо так,
по схеме,
Витьке от Витька
была сдана
под патронаж страна.
Вся власть сменилась
до бела:
суды, менты,
и на местах
донецкий дух запах.
Вначале было страшно
даже старикам,
которые с трудом
вставали
и ногам
их было трудно сделать шаг.
Потом привыкли.
Пацанячий патронат
пошёл в захват,
и быстро разобрал
по "нычкам"
имущество
от прежних подленьких
мальчишек.
Кого-то и оставили
служить,
и службой особо стали
дорожить.
А где-то рвался патронаж.

Менты пытали, били
даже и девчат,
и без гармошки и баяна,
без танцев под
летним пьянящим дыханием
хватали баб,
и, группой, по кустам.
И били, и целовали
сразу там.
Оргазмы при исполнении
взрывали им чердак.
Народ молчал и тихо пил.
Такой вот патронаж.
Донецкие сели везде,
ну, кроме нар, конечно.
Там пока свободно, сухо.
А тут Европа принимает
глухо
со всем этим нелёгким
грузом.
Европа умная,
и знает, что и как.
Пока лишь примут.
Но потом, я думаю,
взорвут же патронат.
Патроны отберут
заранее.
Европе ж пацанат,
одно только название,
уже режет не только слух,
но и место деликатное.
А, вдруг, и нет,
и примут всё как есть
на тыщи лет?
И олигархи жениться будут
на королевских отпрысках
в дворцах,
и дети их королями станут.

Трах!
Бах!
Что-то за окном опять —
отвлекли меня
думать и писать.
Пойду на улицу и погляжу —
это, скорее всего,
патронный патронаж
порядок держит
на стволах.

24.09.2013

***

Край
богатства,
агатства,
где кланы и вождь
ага,
или в рож
дающий бандит.
Советы старейшин,
скорее, сходняк
авторитетов,
или, пусть, аг.
Отсюда и общество их —
аганат.
А, может, и край,
но не тот, что конец, —
это начало их,
остальным, безусловно,
писец, —
край шахт и металла,
химии ширь,
где производят
и богатеют аги,
и их круг.
Кланы семейные
в агатстве на всё.
Аганат пошёл
на страну,
и страна поддалась
аге-пацану,
сломалась, упала
под шелест купюр.
Страну лишь купили
красивым агу,
и верили, верят
в наш аганат.

На заборе сидит
и смеётся солдат
с выбитым зубом
и рукою в бинтах —
он демобилизован
от армии.

Страх наполнил её
аганатством и болью.
Менты лишь остались
с агою.

И стали
по всей территории
аганату штыками
и дубинами служить
для обуздания голи.
А голь и обуздывать
здесь-то не надо:
голь поддалась,
и пьёт
настойки отравы,
в алкогольном безумстве
аге поклоняясь,
но друг друга
пинают, кусают,
чтобы другие
ещё больше боялись.
Но страх такой грязный,
и с запахом мерзким
по краю агатства,
и аганату, где
верность
лишь показная,
а так — предадут
за водки бутылку
агу разорвут
в снах всё кошмарнее,

а наяву
лозунги пишут:
“Аганату служу!”,
“В аганате живу!”,
“В аганате умру!”,
“За аганат
всех порву!”
И рады аги таким
показухам,
хоть вот только что
в зиму
влетела, вдруг, муха,
зелёная, синяя
с ветром российским.
Там тоже аги,
и аганат уже
агонизирующий.

26.09.2013

***

И сердце рвут
мне сны
осколками войны,
которые пытаются своими
пулями
меня всё-таки найти.
И снится вновь
чужой десант,
а я остаюсь уже
сам.
И автомат горячий
бьёт их наповал.
Последний уж солдат,
и, вдруг,
закончились патроны.
Меня взрывает страх.
И я ложусь как мертвый,
а рядом
мною убитый враг.
Быстро перезарядил,
и на секунду упредил
выстрелом в перекошенное
передо мной лицо.
Тишина.
Летняя жара.
Местами желтый,
как на реке, песок,
и сухая трава.
Голова моя жива,
а радости не слышу я —
лишь гулкие удары
сердца
и мокрая спина.
Когда перестанет
сниться мне война?

Рвать сердце снами
и ловить, искать меня
боями,
и оставлять пока живым?
А сердце гулко всё стучит, стучит,
и голова тяжёлая болит.
Средь ночи
кто-то где-то,
как и я,
ещё не спит.
И поле боя
в солнечном огне горит —
на нём группа десанта
мертвая лежит...
Вечный солдат не спит...

27.09.2013

***

Мне не повторить
того, что было.
А я и не собираюсь.
Это смешно.
Там было много пустоты,
и я — никто.
Могила уже не вызывает
ужас
и дрожь рук
с пересохшим внезапно горлом.
Не нужно.
Лучше было бы улететь
к Солнцу,
соединившись с ним
частицей,
лишь одной клеткой,
одним атомом.
Но это возможно где-то,
когда-то.
Город разрушается
и падает под землю.
Обломки
камня,
дерева,
металла.
Люди не глубоко,
как в тоннелях метро.
Весь большой город
исчез.
Осталась пустыня,
и ветер гонит пыль.

И успех
весь под землёй.
Этот город-гигант
превратился в свалку.
Порой в мире духа
тоже шутят.
И страха от этого нет
и ужаса.
Есть сожаление пустоты
движения
без цели, до изнеможения,
в вечной суете выживания
и проживания.
Год за годом
медленное убывание.
Ещё никто не перехитрил
себя,
любовь к себе и своё я.
Солнце светит на всех.
Поражение успех.
А суды судят,
и тщеславится —
одному орден,
а другому нары и сотоварищи.
Очень умному —
очень рано кладбище.
Депрессия и тоска —
шалавы бульварные,
за них столько нужно
платить,
чтобы застыли и не вякали,
лекарствами и доктору
за приём.

Доктор опытный,
и ход конём —
клин вышибается клином:
сам алкоголик рутинный
и не против с больным
по чуть-чуть.
А с болезнью не пробовал док.
Её бухнуть,
ей вдуть
и её обуть,
и отправить восвояси,
в город, под землю.
— Хам ты!
— А ты, док, голова!
Депрессия не моя
и не твоя —
она от образа жизни,
скотства и блудолизия,
от двойного стандарта,
отношений полов.
Деревянных,
керамических,
паркетных,
затёртых,
заплёванных,
заблёванных,
записяных,
замусоленных,
чисто вымытых
и спринцованных
от страха беременности,
ведь дома — муж.

Любовник
тискает,
таскает,
любит,
уплетает,
охаживает,
оставляет
и улетает
как лист с дерева
в свободном парении.
Ещё бы несколько слов
о времени
ушедшем
быстро
и незаметно,
оставив память.
А жить бы вечно!
Но доля каждого в
его руках,
но руки грязные:
то так, то этак,
и всё шарят и шарят
в шкафу,
по телу —
своему, чужому,
и оголтело.
Особенно, по чужому,
если с головой тяжелой.
А, может, это любовь?
Город под землей.
Убежавшее время.

Вечно живая любовь
и бремя,
тяжёлое часто бремя.
Научитесь у Него.
Ибо — иго Его благо,
и бремя Его легко.
А мы без Него.
И мерзость запустения
душ
нам кажется очень красивой,
а жизнь весёлой и неповторимой.

27.09.2013

***

Потрясенные потрясением
воздуха сотрясением
в закрытых сосудах,
надувных шарах
на празднике шубы
жен наших, там,
далеко наверху
праздник придуман
как государственный
тыща седьмой.

— А в году дней?..

— Да Бог с тобой!

Не горячись,
не сотрясайся,
шарик бери и не возвращайся, —
так говорит жена мужу
в квартире,
что уже и ниже
под нами.

И муж жене шарик даёт,
и тоже вещает —
слова так похожи.

Потом вещи собрали
и бросили оземь
в начале зимы.

Были когда-то люди,
стали зеваками
на праздниках жизни
чужих,
и форматом в них не вошли,
а многие вышли и не пришли.

Играют оркестры
по улицам марши:
праздник отца,
кормильца-папаши.

И с министерства
социобедности
что-то стараются делать
для нервных.
А сами серьёзные щёки
надули,
пенсии платят
как память былую —
на пару перчаток
министру не хватит
пенсии той солдатской,
горячей.
Но благодетели — чисто свои,
и благодетельствуют
по зову крови.
Ох, кровь их далась нам
нищетой, произволом.
Ох, кровь их —
особая, с кокаином,
и зовом
к новым успехам
веселого кайфа.
Праздник папы
удался,
удавился,
ус...
...ся,
напился,
и вновь повторился.
Папа Тёмы заговорил
на матерном русском
как мент участковый.
А папа Тамары
купил вчера пчёлы
у папы Аркаши
на диске
игравшем.

Но диск поломали
две мамы в сарае —
они отношения
за дядю Петруху
там выясняли.
А дядя Петруха
под министерством
социобедности
стоял с протестом.
Протест тот помяли,
и бросили папу
в машину с ментами,
чтобы не вякал.
Теперь он протест
лечит в уролога —
каждинный день
деньги и пробы там
на воспаление
железы.
Протест.
Простатит.
— Да не скажи! —
кричали соседки
снова в сарае,
и снова,
уже за дядю Аркашу,
всё выясняли.
А дядя Аркаша,
потрясённый увиденным,
аж сотрясался
от страха.
Где ж видано?
Дома жена,
а тут еще бабы,
аж целых две,
как с ними сладить?

А время на пиво,
футбол, домино?
А время на сериалы
где взять?
Вот оно по квартире
в халате пошло.
Ему лишь бы пенсия,
да зарплата ещё.
А теткам в сарае
давай на гора,
как шахтер отбивает
уголь с утра.
Но я же не мальчик,
и сыт этим всем!
А тут этот праздник
тыщу и семь,
а дней то в году?
Когда же работать?
Ой, не могу!
Хватит заботы —
тоже ведь баба из минсоцбездности...

27.09.2013

***

Эпицентр взрыва изобилия
товаров и денег
общества потребления
и избранных накопления —
гнойниками по лицу
мира и стран.
Инвалиды привыкли,
и не надеются
появлению новым ногам.
Они приспособились,
и в борьбе каждый миг
за обычную жизнь,
которая у многих горит
в эпицентрах взрыва
товаров, услуг,
денег
и мыла
для любви,
если недруг.
Недруга выше по лестнице
знают:
как человек — он подлец
с руками, с ногами,
(но чтобы не оскорбить
инвалида).
Этот недруг с головой
для вида,
для головного убора,
для пробивания стен
и забора,
для поднятий
выше и выше
персоны своей.

А потом, вдруг, весь вышел,
или зашел
в петлю
этой больной головой.
Эпицентр
как центр
притяжения масс
для выброса денег
подлецам про запас,
а себе — их товары
с качеством гнили
с наценкой кошмарной.
Бедность втравила
оставить свой разум,
и в эпицентр взрыва —
все разом —
за заморским товаром
со своим мизерным
капиталом,
чтоб увеличить
их капитал
всяких бесчестных
прощелыг и новоката.
И закат цивилизации
начинается здесь,
в дикой системе
олигархических зверств,
в их эпицентрах взрывов
из гнили
дешевых товаров
и денег,
и или...
Мы выбираем сами,
но нам подсказали,
но нам обещали
и навязали.

Как-то проснулся,
и страшно за люд,
за деток,
которые в мире растут.
Как их оставлять
один на один
с академиками,
профессорами,
ректорами,
генералами,
министрами,
народными артистами,
депутатами,
писателями,
журналистами,
новыми гебистами,
националистами,
политвизажистами,
политпарикимахерами,
брокерами,
дилерами,
биржевыми маклерами?
Поиск новых миров и систем,
но не во вселенной,
а здесь, насовсем.
И не Город Солнца,
хоть мечта и хорошая,
не измы...
А Божественные
и человеческие,
не для себя,
и не личные,
не рай на земле,
а правда везде.

Мы потребляем
сколько можем
оплатить кредитом,
наличкой.
И гложет
зависть — ещё бы больше!
Но есть шарфик
и покойник Березкий.
Но ищем врага,
который довёл,
шарфик одел
и к бесу отвел.
Смотрите прямо,
честно и просто.
Не лезьте вглубь
событий
оком,
не мешайте разум
вместе с эмоциями,
и не добавляйте
сенсации
если, конечно,
сможете.
Сплетни и бред,
вымыслы, слухи —
это тоже
эпицентр борьбы
от скуки.
Ошибочный путь
ошибшихся ушибленных
событиями расшатывания
и борьбы с близкими —
любой ценой туда, повыше,
там больше средств
для похода в эпицентр
как высший смысл
нашей жизни.

Потребил — и счастлив
от удовлетворения потребностей,
вечно растущих,
как эпоха
“великих ценностей”
заморских товаров
гнилостного качества.
А мы за них платим жизнью
и бесконечным рысачеством.
Загнанные в манеж
и зашедшие сами,
по кругу бег —
за вещами, вещами, вещами...

29.09.2013

***

Сто восемь,
семьдесят,
шестьдесят шесть...
Цифры скачут,
и мне бы успеть
за эти секунды
как на корабле
воздушном,
падающем почему-то
всегда к Земле —
законы физики
и тяготение
меньшего к большему.
И я хотел так.
В поисках смысла
и мудрости источника
читал книги.
Но думал неправильно я.
Источник жизни,
как эликсир молодости, —
чушь эликсирщиков.
И есть таможня всё таки,
есть и граница,
но не та, между странами,
а нам злиться
на себя всегда странно
ведь.
Я главный в мире,
Украине,
Одессе.
Мои фотографии
в прессе,
в зданиях академий.
Я великий
на фото в рамках
с такими же дикими,

хоть, по-ихнему,
всё же великими.
Лямзит нечистый,
антихрист манит —
эликсир вечности
обещает.

И гордость прёт
девятью баллами,
а море пьёт
себя усталое
от наших замков
на его берегах
и нечистот.

— Шарах! Бах! Ах...
Волны уносят
к турецкому берегу
и к кавказскому, русскому
беды все.

А оттуда — их отбросы,
их грязь и беды
к нам на берег.

Как я невесел.

Фото упало,
стекло треснуло,
с президентом Медведевым
и орденом девственным
на моём пиджаке.

Сгинь! Уйди,
беда, к реке!

А ветер качает ветви
каштанов,
листья падают
желтые,
ржавые.

Дождь холодит воздух
города.

Я отстал от источника жизни,
горе ведь...
Да и шел не туда.
И не осознано это.
Да...
Беда, господа,
нераскаявшиеся навсегда...

29.09.2013

***

Сеется страх.
Организованно и продуманно.
Расстрел альпинистов в горах.
Неумно.
После этого в горы идти
без автоматов, гранат...
— Да иди ты! —
я бы сказал инструктору.
Захват торгового центра.
Неумно.
Что это даёт и дало?
Перестреляли всех террористов.
Часть их ушло.
Ненадолго.
Где-то детей стреляют в школах.
Где-то рвутся бомбы и мины.
Динамиты, тротилы.
Где-то горят дома
и взрываются дачи.
Сеется страх
падением валюты местной
и той, что надёжнее
и богаче.
Сеется страх жену потерять
малой зарплатой
и безработицей.
Где-то штурмует власть
партизанский отряд
за деньги стран богатых
и мощных.
Здравствует антихрист
и его трон —
от его обществ
весь этот пролом.

Проститутка упала
с балкона в театре
прямо на голову
городского главы,
депутата,
и охрана
сдала её
следующим церберам.
В участке пожурили,
оштрафовали,
и старший чин
увёз её домой.
Вечер был чудной.
А утром она добилась
своего —
перерезала горло полисмену
ножом.
И снова страх и скандал.
Ей грозит пожизненный срок.
Адвокат что-то кричал.
Прокурор молчал,
он с нею вчера спал.
У неё СПИД,
так анализ твердит.
Прокурор в страхе
что-то читает с папки,
и вытирает пот на лбу.
Страх стал неотъемлемой
частью жизни.
И слышен его голос:
— Иду!
Бегу!
Несу!
Веду!
Страханизация...

29.09.2013

***

Сегодня рано поутру,
в понедельник,
день тридцатый,
с костей и праха
восстал убитый
журналист Гонгадзе,
и сразу потянул
заказчиков убийства
и членов их семей
на наш майдан
на плаху.

Орали жены-политессы,
орали слуги, дети,
но шли на суд людской
и честный.

А в это время
восставать начали убитые
все сразу
в новейшей истории страны:
кто даром,
кто за власть
и за имущество чужое,
а кто от зависти,
по злобе.

Восставших были целые полки.

И эта армия
брала заказчиков и
членов их семей
в штыки.

И вели.

Куда вели?

Пока по кругу по стране,
и они шли
огромными рядами,
конца и края
видно не было.

И сами рвали
рубашки на груди,
срывали звезды и погоны,
бросали ордена и деньги на дороге.
Шли.

День был ближе
к полудню.

Страна застыла от шока и тревоги,
осенней грустью
веяло повсюду.

Молчало радио и телевизор
не визжал.

Менты попрятались,
сбежала власть.

А толпы злых убийц
всё шли и шли.

Куда убитые их повели?..

30.09.2013

***

Во Врадиевке,
впервые в мире,
стеллу строят
всем миром
в память ментов,
пострадавших от страсти
к женщинам красивым
как несчастье.

На стелле сцены вакханалий,
изгибы обнаженных женских тел
из мрамора,
а где пошли и далее,
внедрив пластик и пенопласт.

Менты по стелле
обнаженные,
но глаз все выше, выше смотрит —
там бои как на арене.

Наносят менты удары
людям,
женщин бьют, детей, мужчин,
а где режут их.

И сцены, сцены, сцены
порока сексуальных
наслаждений.

Три мента
и женщина, одна.

Так принято у них.
Скоро закон будет
женить три-пять ментов
на одной лишь женщине.

Орлов, желающих иметь
семью такую,
уже десятки тысяч.

И колдуют в парламенте
ночами:
как узаконить брак такой?
И что Европа скажет?

Мамы как отнесутся
к семье, детям?
Как разводиться
с кодлом этим?
Вопросы есть.
Ответов нет.
Но пусть женятся, а там —
покажет время.
Странный час и век...

30.09.2013

***

Пишу тебе я,
Клара Цеткин
и Розе Люксембург пишу,
как ваш коллега
по коммунистической идее,
по партии
от Ленина,
пишу...
У нас сегодня всё
по-другому:
хоть коммунисты и не
в подполье —
сидят в парламенте
и в министерских кабинетах.
Миллионеров много
среди них.
Газета выходит для
партийцев,
которых осталось
так, что и не видно.
Партия лишь бренд.
И коммунизм остался
лишь идеей,
но народ обманутый
ещё, конечно, верит.
Во власти новой
либеральной
все ценности страны
изъяли.
Себе, конечно.
И женщин министрами
поназначали.
Потешно!
Минсоцгроббедности
возглавляет активистка
бывшая от Юли,

попы видной и лица —
аж тянет.
Простите коммуниста
бывшего за откровенность —
слямзить её хотелось бы!
Но...
Минздравконвертпогост
возглавляет тоже женщина.
Не прост министр,
не прост.
Себя блажит на полный рост.
Да и других немало
в депутатах,
в Кабмине,
президентской вертикали.
Вопрос по женщинам
решен.
И дали
открыты им повсюду,
не то, что в ваше время,
милые подруги.
Прогресс-то есть!
И женщина уже
у нас
как человек.
Свободы в сексе
захватили лишку,
но то как-то утрясётся,
упадёт,
излишки останутся
в истории потом
грехом.
Но то для церкви так.
А нам бы партию
построить новую тишком...

30.09.2013

***

Ночь громыхает
заблудшим трамваем.
Скрежет его тормозов
в комнату ко мне долетает.
Одинокий трамвай
среди ночи
уснувшего города.
Где-то в ресторанах
еще пьют и едят,
заглушая мозг свой.
Остановить сознание,
залить его спиртным —
вот и всё задание.
Жизнь
часто становится
в богатстве убогой.
Стоят кресты над
людской дорогой
тревогой их преступлений
к цели.
Кресты появляются,
и уже нет покоя
в грязном деле —
они как живые с пространства
в ночи к человеку.
Громыхает трамвай
заблудившийся в городе.
Эхо
ходит далеко,
и кто-то проснулся от звука его.
Ночь такая короткая.
Сегодня — длинная,
и не уснуть мне.
Перед глазами картины
пустыни
древней земли Израиля.

Там рассвет,
и солнце огромным шаром
согревает и будит людей.
Недаром
Господь боролся за человека.
Скот уходит на пастбища.
Где-то первый дым очагов
и запах свежего хлеба.
Где-то идёт караван
в день пылающий светом.
Кусты травы зелёной в росе
искрятся.
А рядом горы.
В них тишина
вечного камня...
Громыхает трамвай
обратно под окнами.
И я понимаю, что это
не сон,
а жизнь ночная.
Песню бы,
тихую-тихую,
колыбельную, мамину...
Но я одиноко
жду рассвета.
И картины перед глазами:
Господь и ученики
входят в город
залитый солнечным светом...

01.10.2013

***

Такая война за межу
между тремя огородами.
Сестра на сестру
с вечными спорами —
спор за канаву:
кто траву в ней сожнёт,
а кто чистить будет
к весне,
когда водами талыми
всё здесь зальёт.
Эти споры взрывались
и затихали.
Дети росли,
и спорить тоже старались.
И мистический страх
пронзил меня как-то:
огород один справа,
а второй слева,
и люди там жившие
негодовали
полжизни, наверное.
А огород и хозяева
в центре терпели.
Молча сносили обиды
и пили
горькие думы не раз.
А годы неслись вперёд,
а не вспять.
И умерли многие
и справа,
и слева,
кто-то уехал за рубеж.
И не дело
пахать огороды сегодня.
И стыдно.

Так взросли люди
в отчизне,
где лишь деньги мерило
успеху.
Справа срезали дерево
на меже
как на потеху —
верба пала от спора
в канаву.
По весне листьями первыми
громко стонала.
И засох ее ствол на меже...
И слева,
и справа
огороды в сорняках
много лет дичали.
Хаты гнулись к земле
пустые,
и чернели, старели
на глазах
как живые.
А по центру стоящий двор
в плодах и деревьях,
хлеб колосится,
и люди работают,
как и предки.
А тот, что слева,
и тот, что справа,
отошли людям чужим
сегодня как дачи,
как забава.

По канаве растут
молодые берёзы,
но память о вербе
меня всё-таки
нет-нет
да и тревожит...
Межа...

01.10.2013

***

Звернувся я до міністра
Мінсоцстарці,
кажу їй:
— Коли на вибори в парламент
ви ішли
з артистами та футболістами
в команді,
то обіцяли нам, що
виростуть і пенсії, й зарплати
десь до тисячі євро
по вашій пропаганді.
Але погано грали,
і програли.
Та горя перекотиполю
не буває —
міністром стали.
Мінсоцстарці в занепаді,
як все.
А статок ваш росте, росте,
як Джомолунгма чи Ельбрус
він скоро стане.
А нам — крихітку зі столу.
Та вам міністром вже не бути
скоро —
поїдете в Москву,
а там — на БАМ-2
з комуністами та Метвєтьчуками,
і будете
проводити великий референдум:
чи віддати БАМ-1 Китаю?
А Вова Путін дзвонить,
в крик:
— Ты что позоришь
стройку века?!

*Втык тебе за это!
Куда мне гонишь этих прощелыг!
У нас и так в России пишк.*

А БАМом-2 хочу поднять
я дух страны!
Идею людям, патриотизм.
А то рабы все, холуи
для новой поросли братвы,
что выросла в князья, графы.
Уже даже артисты — Гугачёва
и муж ейный, юморист-извращенец,
пацан дешёвый, (на стафуху влез!),
графами стали
по бумаге.
Ети ей мать, стране и славе
в виде таком неброско
диконищем!
Как лодка в дырках
по воде вверх днищем!
А ты язвишь, поэт,
и прешь мне коммунистов ваших!
Бред, поэт!
— Метвельчuka, за все дела,
на Колыму, собаку!
— Да, ввёл меня в нелепый вид...
Мне голова от них болит.
Ты бы помог,
а ты язвишь,
и пишешь то, о чём
и так умным в России,
блин,
болит.
— Так, Вова,
та дай же і мені хоч слово.
Я пишу те, що на душі.
А в БАМ ваш нехай лізуть
наші прохіндеи
як кліщі
в баранячу шерсть весною,
бо куди ж їх нам подіти,

оцих міністрів
із Мінсоцстраці
та комуністів,
що референдум
за російські гроші...
— *Ищем путь другой,
а то — ошибка наша.*
*Но порой ты пишешь
кровью по стене.*
Я все читаю,
и стыдно, часто, мне,
поэтому и БАМ-2,
и осталное всё...
Поднять хочу Россию я ещё.
Страну я не отдам
в дешевое кольцо
из проходимцев и барыг.
А ты пиши.
учи нас.
Без стихов твоих я не могу,
уже к тебе прывык.

02.10.2013

***

Часы бьют.
Часы не бьют.
Часы бьют.
Часы не бьют.
И голос слышу за спиной
я вдруг:
— Что ты пишешь?
Авангард?
Я резко обернулся
назад,
а там витязь
с древних лет,
и с мечом в руках.
— Поэт, ты пиши о вас сейчас.
А авангард — то камнепад
в отдельно взятой в аду кастрюле,
и люди балуются.
— Люди?
Но витязь вышел быстро в дверь.
Меч остался.
И давно, или недавно,
что-то чувствовал я,
и недаром
главным оставлял сегодня.
Мне б историю бы тоже,
но придёт еще ей время.
Время
роста капиталов
у тех, кого страна избрала
на свою хромую шею.
Они влезли
и залезли
в закрома и по карманам.
Время роста бусурманов.

Их сегодня армий много,
и одна у них дорога:
банки, сити, нал и без,
земли, здания.

Прогресс только в
рейтингах деньжищ.

А промышленность лежит
по буграм и по канавам,
и наука с нею
справа, слева
и по центру.

Но одна жива наука —
как утырить и запрятать,
в Запад выехать,
дом там сцапать —
легализация бабла.

И жена.

Молодая.

И не одна.

И имеют три семьи.

Православные бои
слушают в своих церквях
на дорогих колоколах.

А священник — подмастерье,
мальчик на побегушках
в деле,
и колокольный звон ушел —
остался бой,
как бой часов.

Богатеют на глазах.

А бедные теряют страх,
и в игру против богатых —
кто квартирой, а кто хатой,
и теряют всё нараз.

Остаются, аккурат,
чистыми рабами хану.
О науке, как отсталой,
говорить не перестану.
Мир имеет
север,
юг,
запад и восток,
а круг властителя державы
тех сторон не сосчитает,
и по каждой долг висит.
Везде мы просим одолжить.
И дают
и не давая.
Братская помощь
из Китая —
миллиарда три зелёных.
Радость, счастье
аж долдонит
и министров, депутатов,
олигархов,
банки наши.
Чем отдать потом?
И кто это всё вернет?
А что?
Бьют часы.
Не бьют часы.
Бьют часы.
Не бьют часы.
А ты живи и не спеши.
Победят, вдруг, коммунисты,
все долги тогда
и спишут.

Победят националисты,
тоже спишут,
и запишут всю страну
в другой союз,
и язык другой дадут.
А какой?

Время покажет.
Мир большой,
и страшных сказок
в нем написано немало.
Кто-то тянет одеяло
на себя,
и всё — себе.
Так это норма.
Что тебе?

Ты хочешь ласки и заботы,
чтоб зарплата и работа,
чтоб укрыли на кровати,
колыбельную пропели,
а хаты где вам взять всем
романтичным?

Ваши фантазии как вишни
в январе в снегах Урала.
Вы их всех замордовали —
те не нравятся, и эти.

Юлю дали вам конфетой,
а вы её на зону тихо,
и опять — в мечты.

Бьют часы.
Не бьют часы.

Бьют часы.
Не бьют часы.

И говорю себе: пиши!
Вот тот меч в углу стоит.
Ты с ним не пропадешь.

А вид того, что видишь,
неприглядный,
а напишешь,
вроде, есть надежда снова.
Отразить всех,
и волю, волю,
и без крови,
а с любовью,
и с любовью.
Крови пролили немало.
Кровожаждущие идолами
стали,
и в цветах их всех могилы.
Поклоняемся мы силе
чёрной, злой и неуёмной.
А нам бы Бога,
да с любовью.
Сами, видно, что не можем
к Богу повернуться.
Ножны сабель
все забиты золотом
от хана свите.
Сабли проданы давно
за рубеж.
И лишь оно...
Греет душу и часы,
которые себе изобрели.
И время вспять —
на веков пять —
повернули,
и опять движемся вперёд помалу.
Год за десять,
и кошмары, и кошмары.
Сколько же идти вперёд,
что был задом?

Оборот стрелок тех —
на тыщи лет.
Как попали мы в тот свет,
что прошли когда-то предки?
Вроде ж, видели беседки,
терема и магазины,
вещи, золото
и диво,
а попали так назад!
Бога бросили опять.
Говорит мне рыцарь
снова:
— Ты пиши им всем про Бога.
Пусть читают,
слёзы льют,
а не с антихристом
гребут
по болотам и канавам,
а на шеях —
хан, орава
бывших воинов орды
деградированных,
во все низы
и низины
духопадших,
 дух оставив на распятье,
и поднявшись на горбы
люда серого.
Иди...
К Богу...
А они союзы выбирают,
как спасенье от беды,
от тревоги,

и сады видят
вновь чужие,
хаты,
женщин,
магазины.
А солдаты, те, чужие,
ремни готовят из резины...

03.10.2013

***

Камни падают снизу вверх,
и на скале образуется новая гора.
Успех.
Для потех
самовозвышающихся
в грех.
Нарушая все заповеди —
дела
скверные,
фантазии
не человека.
Осла бы лучше.
Он менее удешлив
в грязных устремлениях.
Грязных желаний —
вагоны,
и зданий многих воздух —
не для дышать.
Там варится страсть,
и пьётся подчас
уже испившими
тысячи раз.
А мне бы от них
хоть на час,
хоть на миг.
Но мы народ —
один взвод
на бруствере.
Кто смог,
а кто не смог —
продавали друг друга
сотни раз,
и взвод
растаял от потерь
людских на глазах.

Но, чудом,
народ остался
страну блюсти.
А к ней — любовь
чувственная, по расчету,
а к ней — любовь
взять себе всё
и бросить.
И как нам жить?
Детей растить?
А не выйдет народ,
такой же продажный
вновь взвод?
По реке плывёт олигарх.
Прячет миллиарды
в камышах
в непромокаемых мешках.
А мы берём кредиты
в чужих народов.
Биты
будем за них не раз.
А чем отдать?
А почему в олигархов
миллиардов украденных
не взять?
А кто возьмёт?
Кому он даст?
Он олигарх.
Он — власть!
И камыши желтеют.
Осень.
Дни холодные.

Первый мороз
по траве
сединой разносит
иней чистый
с небес.
А в камышах мешки
денег,
а с деньгами —
бес, бес, бес!

03.10.2013

***

Осень!

Снова осень как рубеж,
как слава жизни
и венец от года
прожитого вновь.

Золотой цвет наполняет
кровь.

Первый снег влетает
в сердце,
и стучит оно с надеждой.

Осень!

Я иду по дороге,
зябнут руки,
стынут ноги,
и так хочется к огню,
в дом, в тепло.

Но я стою,
и ищу путь сквозь
ветра
в осень ту, что
пролегла через память
навсегда.

В ней всё было как всегда.

Дождь и плащ,
ноги мокрые,
короткий день,
и радость
от новой жизни,
что я начал,
повзрослев
вновь на год.

Осень!

Через ночь — вперёд,
и с надеждой
тайной встречи
любви огромной!

Весь вечер
видеть лицо её...
как мне было
всё легко!
Блеклый свет в окне
избушки.
Дом тот старый
помню лучше
чем роскошное сегодня.
Огонь из печки
греет.
Волны любви.
Нежный шелест губ,
и шепот тихий
рвущихся слов
и рвущихся линий...
Горит огнём любовь.
Много лет спустя
то пламя
так и осталось,
обжигая
каждой осеню
сознанье.
Осень...
Память...
Какое счастье жить!

03.10.2013

***

Дверь настежь открытая
и заходит всяк кто может.
Страждущих немало,
но они толкуются в стороне.
Одного страх гложет.
Другой деньги считает
уже, может, раз двадцатый.
Третий крестится, молится,
и повторяет без конца:
я, мол, не виноватый.
А кто-то, бросив вещи
у входа,
оставив обувь,
босиком заходит
в коридор,
а с него в разные
стороны коридоры, коридоры.
Свет слабый.
Горят свечи,
и пламя от легкого
движения воздуха
как будто хочет оторваться,
другие — потухли,
и согнутые стоят,
или висят верёвками.
Кто смелее,
ходит туда, куда
подсказывает сердце.
Это — новая церковь.
Священники скрыты
где-то за стенами,
но их голос
слышен отовсюду.
Одни кричат,
другие что-то шепчут.

Люди идут, идут,
и начинают верить
в своё спасение
и грехов прощение.
На лицах многих
появляется радость,
и они спешат по
коридорам вперёд,
в конец,
или начало,
чтобы их увидел пастырь.
А все коридоры
ведут во двор на улицу,
а там стоят бандиты
и хватают каждого за руку.
Молодых и красивых
увозят автомобилями.
Тех, кто стар,
обирают до нитки,
дают какие-то таблетки,
и они уходят
за калитку.
Осознают произошедшее
немногие.
Безверие привело
к бесовскому своеволию.
А рядом гудят колоколами
храм белый
и купола в золоте.
Но распри между церквями
в стране
уводят многих
в церковь новую,
коридорную.

04.10.2013

***

В стране перестали
печатать деньги.
Фабрика ценных бумаг
получила правительственный
суперзаказ —
печатать миллионные
тиражи плакатов
для тех, кто имеет
власть и бабло,
повесить их
перед глазами
с надписью:
“Помни 1917 год!”
Власть решила
всех чиновников,
олигархов, бизнесменов,
политиков и омбудсменов
хоть как-то встряхнуть
и перестроить,
имеется в виду — построить,
не так, как Горбачев
нас перестроил,
не так, как комсомол с ворьём
новую страну
в девяностых строил —
теперь плывём
и мёрзнем.
Сегодня молодежь
под мэрией Киева
устроила галдеж,
одев на спины лозунги:
“Гауляйтэр-мэр,
тепло даёшь!”
Новая поросль для политики
идёт,

но знания слабые—
теории не изволили
освоить.
Если бы был гауляйттер,
было бы тепло,
и даже жарко.
Всё-таки оккупант,
и враг серьёзный.
А у нас — бей, паша,
и ему ваши трубы, батареи...
Им — мечи, бои
и гаремы.
Мэра обзвывать
гауляйттером не нужно.
Он украинец,
проворовавшейся “элиты”
служка.
И сам чуть гребёт —
левой, правой —
такая жизнь пришла.
Удалой
была всегда Русь.
Здесь били, воровали,
и пусть
это было давно.
Но это вернулось
к нам вновь
как волной.
То спад, то подъём,
то один, то вдвоём,
то кастет с кистенем,
то партбилет
и конём
ход под углом
для себя.

Вот в Европу идём.
С пустым кошельком.
Буфером будем
между нашим и
русским ворьём.
С Европой и Россией
мы не пропадём.
И тех, и других
вокруг пальца обведём.
Так думаем мы
перед едой,
после еды,
до сна, после сна.
Мы хитrim всегда
и этим живём.
с этого живём.
Плохо конём,
грешно, идём.
Но, кажется, молимся.
И не пропадём.
Так думаем мы
то в тюрьме, то под ружьём,
то пьяные в стельку,
то после похорон,
соседа, начальника,
и рады, что он...
Мы рады всегда.
Вот, молодёжь подросла,
и пошла, и пошла, и пошла!
Кто в клубы ночные
спускать папин счёт,
кто на большую дорогу
рвать богатых,
обормот.
А кто-то в политику
новой струёй.

Но выйдет всё то же,
что шло здесь всегда.
Менялись лишь флаги,
гербы, системы,
а нутро —
никогда.
Нам стыдно бывает,
но не всегда,
так, временами, иногда.
А в домах холод
и зубы стучат,
а в домах холод
и дети пищат,
а в домах холод
и ноет жена,
а в домах холод
и болеет народ,
но мы не сдаёмся
и вещи пакуем
в Европу.
Вперёд!
А Европа-то, ждёт?..

05.10.2013

***

Первым вышел Карл Маркс.
Вторым вышел Иосиф Сталин.
Третьим вышел Владимир Ленин.
Сталин попросил у него прощения
за то, что поспешил
выйти впереди вождя.
Четвёртым вышел Фридрих Энгельс,
и попросил у всех прощения за опоздание.
А дальше пошли все известные личности
девятнадцатого,
двадцатого и двадцать первого столетий,
включая артистов, музыкантов,
спортсменов, магов, колдунов
и предсказателей.
Было немного поэтов и писателей,
но малоизвестных сегодня.
Колонной все живые и оживленные двинулись на
центральный стадион Бандураса.
Сзади шел сводный военный
оркестр всего постсоветского
пространства,
а за ним попсовики
общей численностью тысяч двадцать.
Фанов, налившихся пивом
и другой дурью, на стадион
сегодня не пускали,
дабы они не махали символикой,
особенно политической.
По стадиону кругами ходили
футболисты с древком в руках.
На маленьких пластиковых
плакатах они носили фотографии
высшего руководства футбола
во главе с Пластилини
и фотографии стодолларовых и
пятисотевровых купюр.
Прозвучали свистки судей
судов всех инстанций страны.

Прокурор дал отмашку,
и начался матч.

Футболисты играли с древками
в руках.

Председатель федерации футбола
Бандураса очень переживал,
что фотографий руководства футбола
на стадионе меньше, чем
фотографий денег.

Футболисты после первого тайма
жаловались на неудобство игры
с древком в руке,
и глава страны отдал приказ
повесить плакаты на спину,
но там были номера,

и плакаты приклеили чуть ниже.

Стадион вел себя на удивление тихо.
Все как-то боялись
оживленных и живых
великих первого эшелона.

Футбол закончился поздно
ночью.

Судьи не хотели кого-то
обидеть
и матч длился шесть часов.

Победил спорт
профессиональный
и победили деньги в
этом спорте.

Фаны за забором стадиона качали в себя
пиво и другую дурь
дня три,
пока на стадионе не закончился концерт попсы.
А потом сводный оркестр
заиграл “Интернационал”,
и зрители пели его
раз десять.

Болельщики-зрители
апплодировали стоя.

А фаны, бросив всё,
разъехались по психоаналитикам.
Футболисты разбежались так,
что их ищут уже
два месяца.
Стадион стал
местом паломничества
туристов...
Федерация футбола
молчит уже тоже
месяца два.
В Цюрихе, заместо
бедных русских революционеров,
прожигают жизнь
новые, бывшие советские,
миллионеры,
а в магазинах продаются
по-прежнему сравнительно
неплохие часы...

05.10.2013

***

Я устою сегодня,
как устоял не раз когда-то,
несмотря на новолунье
и происки во сне
черных отрядов.
Я устою как дерево
в расцвете сил.
Я устою,
хоть я не раз спешил
добраться до конца пути.
Но Бог хранил
и возвращал назад.
Идти мне приходилось
в гору,
но наступал момент,
и я бежал в долину,
вниз,
и горе, тут же, настигало
как лавина.
Я плакал,
шел снова в храм,
и половина
меня оставалась там всегда.
Не лучшая та часть.
Вода осенняя смывала
страх дождём.
И листья падали
на тело мне,
и дом мой был
по всей Земле
под небом
на дожде.
Я набирался знаний,
сил и
снова шел вверх в горы.

Уходил,
казалось, навсегда.
Но я искал любовь,
искола её всегда.
Казалось, женщина
может спасти меня.
Утешить,
радость дать.
Но дня хватало,
чтобы понять:
я не там,
не там ищу
покой тот,
что в веках
искали и нашли
не раз.
Осенний дождь,
и листопад,
и солнце редкое
озолотит полдня,
и снова тучи, тучи,
и вновь я
иду обратно вниз
на зов её,
единственной.
— Проснись! —
мне шепчет ветер.
— Уймись! —
мне дождь стучит
и струйками сбегает
с головы:
— Остынь!
И посмотри на нас.
Что ты бежишь?
Бежишь ты не туда.
И не туда твой взгляд.
Подумай еще раз...

***

Глобализация.
Империализация.
Централизация.
Союзонизация.
Сатанизация.
Зверизация.
Прострация.
Индустриализация.
Механизация.
Модернизация.
Абсолютизация.
Водка льётся в гараже
из бочек ржавых
спиртом техническим
водой разжижаемым.
Этикетка, закрутка наверх —
и бутылка “Русской”,
и всем успех.
Мясное действие в цеху
за сараем:
коптятся колбасы
и буженины строгаются,
шинка и ливер,
всё без отходов.
Сосиски из дряни такой,
что доводят
до тошноты персонал.
ЧП.
Частный предприниматель,
или чрезвычайное происшествие?
Как? Уже?
Всё готово,
и деньги срубим!
Музыкой из шести музыкантов,
и трубы гореть будут
под солнцем
у дома —

корпоратив гуляем
мы снова.
А я оторву и зарежу
корову.
Я измельчу её всю
на половину —
с добавками сытными
на рынок страны.
Я хозяин своей и твоей,
блин, судьбы.
А водка рекой
и цыгане поют,
а стол ломится от
сытных блюд.
Я отмечаю свой юбилей
ЧП,
что творит столько дел.
И шепот сотрудников
на перекуре
от зависти, злости:
— Да, дел бы менты могли
пришить этой курве!
Но в доле они...
А я выпью вновь,
и вновь я налью.
Выпью и всё расскажу.
— Где-то там после
девяностых, грязных, тупых,
менты взяли девок
с Крещатика.
Цирк!
Придрались и завели
на Прорезную,
аккурат в райотдел,
и хмельную
устроили ночь на пятерых.
Девиц приковали
наручниками к батарее,

которая летом
не грела,
и водку залили бабам по горло,
а потом всю ночь
в любовь с ними.
— Ой-о-о! —
визжали девицы.
А утром отпустили их.
Попугали.
А дядя одной — “эсбэушник”,
полковник,
прилетел в райотдел.
Но прискорбно.
Замяли...
Затёрли дело ментов.
Откупились бойцы.
(А Врадиевка спала.
То потом, лет через пятнадцать,
она проснётся).
...И здесь же, в центре,
студента пытали.
Убили.
Списали.
Снова замяли.
Что-то там
журналисты вя-вя.
Но то — понты.
А менты — о, бля!
Лучше пройти вам стороной
и не столкнуться с ними
судьбой.
Стонет больной в больнице.
Операция у него была
на ключице.
Деньги он дал,
но, наверное, мало,
вот и стонет страдалец
в палате.

Осталось пару копеек
и он в напрягеН:
что ему делать?!
Отдать или нет?
А к вечеру — умер.
Врач дежурный
в палату зашел.
Что-то писал и звонил ети-ети.
А рядом лежал дед
без руки
и громко стонал.
Врач прямо сказал:
— Ты мало дал.
Парад на Крещатике,
и водят быков.
У нас разрешили
корриду,
и зов
по стране —
на стадион!
Там строят манеж,
и тореадор будет слон,
 тот, из зоопарка, умерший
 лет уже пять.
Его восстановят потом
и укрепят.
Деньги с бюджета
на праздник даны.
Люди готовятся.
А ты?
Вечер ушел в ночь,
ночь сменилась утром.
Я открыл глаза,
прошла минута.
Быстро вскочил,
и на завод.
От испуга завыл.
Завод сдан в металлолом.
На месте его построили дом.

А я уже десять лет
как был здесь сокращён,
но по привычке,
на похмелку,
летел на завод
заместо девки,
у которой работаю в саду.
Девка важная.

Депутат.

Ой, упаду!

Что она творит по жизни!
Вечеринки, оргии, кутилки.
А я убираю, режу, стригу.
Мне дела мало
до всего.

Упаду

от выпитой водки с зарплаты
опять.

Спать!

Всё забыть...

Спать...

Глубоко наплевать...

Не сорваться!

Упасть на кровать,
как на тот свет...

Спать, блин,

спать...

Отключиться опять...

Иначе себя не спасать...

05.10.2013

***

Бой
на убой,
кулачный,
лихой,
за деньги
на ринге.
Тотализатор
как призма мира,
где дикость
на витке цивилизации
лихость,
чтобы гонять,
мастурбировать чувства,
хилое тело
с дворцов.
И с катушек
срывается плебс
 занюханный, испитый,
шерсть от жира лоснится.
Играют деньгами,
гормонами
в счастье
увидеть им
мордобой —
бокс,
бокс,
бой,
бой!
Дикие люди
и тёмные страсти.
Гордость убийств
и драк.
Даже власти
носятся с этим
спортом.

И оптом,
и в розницу
покупают дебилов
с кулаками
по морде.
Им очень хочется
адреналина.
А мусора горы,
и ямы в дорогах,
отрава в еде,
дети, дети
на грязной игле.
А им проститутки
и борделя,
рестораны и дамы
в бриллиантах, мехах.
И жизнь в тоску
гонит унынием,
скукой кромешной,
а тут —
бокс.
И в дыню лупят
друг друга,
нокаут —
и кровь
с разбитой балды.
Бьются на смерть
черта рабы.
Бьются в лихую,
бьются всерьёз.
Взрослые люди
в двадцать первом
столетии
возвращаясь умом
и душой
в пещерный век,

и нагоняя ужас
оттуда,
где жрали людей
и пили кровь
люди.
Дикость язычества
и отсталость в
любви
гонят в мир
ужас
в боях на крови.
Боже!
Если можешь,
и можно еще,
спаси нас всех скопищем,
выведи на свет
и мозги просвети.

08.10.2013

***

Золото осени —
бери не хочу.
День сухой
ветер носится.
И я по листьям иду.
Наступив, сожалею, —
умирает лист быстро,
сжигая мосты.
И в яркой аллее
образ твой.
И лишь ты
из мечты,
издалека,
на мгновенье.
Цветы.
Повторить бы
их слова
на сугробах зимы.
Хризантемы
с широкой
поднебесной выси.
Пусть мечты остаются.
С ними легче
за жизнь
зашепиться
и в осень
с ветром вместе нестись.
А ты неземная,
тебя нет здесь пока.
Только в грёзах
мелькает
красота от лица.

А ядвигаюсь дальше
заставляя себя
жить,
хотя бы как раньше
без тоски
и любя
всех и все
в этом мире,
дар небес
как костёр,
что сгорит
и лишь дымом
память о тех,
кто дальше пошел.

10.10.2013

***

Чувство любви
многим здесь не знакомо.
Только жесткость сердец
и — по трупам — на цель,
что в сознании голодом
движет дальше,
туда, где есть хлеб.
И по трупам ступая,
делать сами себя
отучились,
мечтая о вершинах,
где вся
собралась их тусовка.
Мироправцы Земли,
и дорога их горька
по костям и крови.
Много павших
от лени и страха
легли
под их острые ноги,
чтоб быстрее прошли
разодрав всё живое —
будь-то люди,
трава иль цветы.
Пахнет кровью
где ступала нога
пробиравшихся к цели
заветных вершин.
Безмолвство народов
и их глупость в тиши
своих хижин убогих,
проявляя там ум
в разговорах о доле
и мирских судьбах.
Наобум.

Зная леность,
зная страх
без борьбы
ноги острые
грузно от груди до груди.
Заливая пространство
потом и кровью
в бегу
достигают и цели
и вершин на беду,
тех убогих, несчастных,
кто без боя в нору
спрятался
и мечтает.
О чем, не пойму.
А вершина та
зыбка,
как песок у реки.
Строить дом с него
гибло
и не долго стоять-то ему.
Но убогим и рваным
в ранах тел и сердец
цель безликих болванов
небом кажется
и вчера, и теперь...

10.10.2013

***

Ночь вьюжит
листьями, хвоей.
Треск сучьев,
ломающихся от ветра,
который ещё
временами и воет,
срываясь как пес с цепи
длинной,
вдруг резко останавливается
и затихает.
В темноте запах грибов
наполняющий лес,
и запах мокрых листьев
под ногами.
Протяжный крик зверя
и вновь тишина.
Лишь где-то дерево
потрещит ветками.
Ночь осени длинная,
густая темнота,
еле видная
маячит твоя изба,
окна манят, зовут
как всегда.
Ты выбегаешь навстречу
почти обнаженная
в белой рубашке,
свет из окна
освещает твое тело,
любимая...
Сырой, холодный воздух
наполняется теплом
наших чувств,
и я жду тебя под
деревом в саду.

А потом огонь в печке
греет нас.
Мы не спешим.
Осенние ночи длинные.
Любовь.
Мир любви.
Мир любви, как потом
будет казаться всю жизнь.
Эти ночи всего лишь миг,
но счастье клокочет,
не осознавая своего
короткого промежутка
в десятилетиях.
Ты рождена мечтой,
оставаясь мечтой многих
и осталась моей мечтой
навсегда.
Помнишь?
Помню...
Слышны звуки ветра.
Это ты пришла.
Верно...
Тебя нельзя уже найти.
И первый снег нам
на пути
дорогой к дому
в ночи,
и ночь без печки и огня.
Прохладно, но то пока.
И снова — миг,
миг ночи навсегда
зовёт
и хочет сердце всё той же,
настоящей,
но жизнь бежит, бежит
и прячет
счастье на потом.

И счастье мне сейчас
в другом,
но остаются его дни
всегда.
Люби.
Живи.
И эти правила мои,
и ночи длинные в пути
туда, где вечность,
и дойти
счастливым хочется.
Мечты сбываются всегда.
И миг всего лишь
миг
любви твоей,
и я не сломленный судьбой,
хоть эта стерва
не со мной.
Она мой враг.
Ей — сила,
мне — счастье,
мгновенье,
но всегда.
Горит огонь тот
мне сейчас
в ночи холодной.
Лес пропах
осенней сладостью,
а я медленно бреду,
и без тебя.
Но миг тот полыхнёт
надеждой,
и снова искры вверх.
И темень, темень
длинной ночи.
И часто я живу
там, в прошлом.

Греша в дни счастья,
что сегодня
другое счастье.
Возможно,
я и прав.
То здесь,
то снова там,
недалеко.
Но много лет.
А ночь снова шумит.
Оркестр.
То листья,
ветки и деревья,
то хвоя,
и, наверное,
я здесь побуду до зимы.
И первый снег,
и свет луны...

10.10.2013

***

Медленно летит
и падает под ноги граната.
Вспышка огня,
звука разрыва не слышу я.
И месиво рваных частей
человечины.
Бифштекс с кровью.
Сэр, вы отметили
на съемке куски
для вас сладкие.
Вы конгрессмен,
а я был минуту
назад солдатом.
Сэр!
Наслаждайтесь и ешьте.
Ещё от Вьетнама
вы этим питаетесь.
А умирать мне так рано.
Душа парит над
землею с дымом
от взрыва мин, снарядов.
Огня на деньги ваши
добавят
и силы наши будут таять.
Вы не съедите столько
мяса, сэр!
Конгрессмен со Штатов
вливают деньги,
строит демократию
и бьётся за свободу
телефоном мобильным,
дорогим и отменным.
И снова взрыв,
и души, души...
Их спасет Бог,
и снова научит
для продолжения жизни.

А вы, сэр, питайтесь
пока идёт дело,
ваше грязно-кровавое
лобби и ваше холенное тело.
Ваш безумный порыв
без страха может
взорвать не одну страну
за деньги Штатов.
Такие сладкие,
такие любимые,
такие желанные
и мир-обратимые
в стороны гадкие,
страсти без стыдоты,
без совести.
Кушайте, сэр!
Человечины множество,
и она быстро портится
под солнцем осени...

10.10.2013

***

Любящий Бога
больше жизни.
Любящий людей
и природу Вселенной,
ибо это есть творение
Божие.
В них
Дух,
Сила,
Энергия
Бога.
Это святость.
Награда великая тому,
наивысшая в мире,
утешение Господнее!
Зло.
Агрессия.
Зависть.
Ревность.
Ненависть.
Раздражение.
Составляющие ада.
Его штрихи,
разрушающие
душу и тело человека.
Человек с этими
составляющими
не созидатель.
Он просто недочеловек.
Молния прорывает облака,
её удар целенаправленный.
Пока
ты ждешь от жизни
давaka,
всё хочешь получить
наверняка,
особенно ту часть — вещами
и развлечениями.

Сами мы роем яму,
и падать нам в неё
как спьяну
опьянённым своим нутром,
любовью нежною к себе.
Потом и потом
всё придётся выжигать
по крошке
от себя назад,
как семена бурьяна из цветов.
Цветы с небес.
Лучше бы живым,
а не, от сожаления,
на гроб.
Или вообще никак
и в никуда.
Горит осенняя трава
в лучах солнца
не навсегда,
а до весны.
Простить.
Прости.
И не уйти
с такими грузами
наверх.
Переоценить себя
ведь тоже грех.
Недооценить
и не осквернить,
и недополучить
мудреными словами
дешевой философии
азами
тоже ада.
Не нужно.
И не надо.

Горят цветы по осени,
глубинами Вселенной,
её далёких звёзд
и пений
священных гимнов
для Творца.
Наука постигать Его
проста.
Как наша жизнь,
удивительно проста.
Награда высшая
придёт.
А, может быть, уже пришла...

10.10.2013

***

Похоронная процессия
бесконечно длинная
с гробом открытым,
на первый взгляд —
пустым,
и крышкой.
С музыкой траурной
и венками
от знатных великих людей,
и цветами
в больших букетах...
И денег не жалко.
Кого же хоронят?
Пристал я
к людям в колонне,
но там — тишина.
Молчат все,
и не смотрят глаза
через повязки
на голове
из чёрного бархата
в красном шитье.
Под повязкой закрыты
глаза.
Слёзы стекают
и их увидеть нельзя,
только мокрая ткань выдаёт
известных поэтов, писателей.
Вот журналисты
со всей страны.
Политики видные
с орденами на черной
груди.

Траурных маршей,
костюмов
не счесть.
А гроб пустой.
Но это так есть
для непосвящённых.
В гробе слова
Мовы и Языка.
И голова
кругом у меня:
как же хоронят
то, что нельзя?!
А вот и кладбище.
Дверь, ворота,
всё открыто
уже с утра.
И встречающих тьма.
Но процессия сбилась
толпой у ворот.
Тискались, мялись,
ломались
и гроб в толчее
упал на асфальт.
Разился,
сломался,
по нём топтались
в туфлях, сапогах,
потом пытались обивку
собрать,
рваная ткань разошлась,
расползлась.
А тут и вечер,
время к ночи.
Музыканты играли.

Зажгли две большие свечи,
но ветер задул
пламя в момент.
И процессия страхом
наполнилась.
Здесь, и там сзади,
все кувырком
и от кладбища
пuleй.
Бегом все, бегом.
Венки побросали
и только цветы
тащили.
Бежали.
Асфальт подметали
розами с астрами
и калиной в огне,
гроздья рябины
валялись везде.
А крышку гроба
и сам гроб
с досками битыми
тащил обормот
в бомжачьей одежде
и с бородой,
пьяный и грязный.
Сложил за стеною
забора ментовского
райУВД,
и спать лег в крышку.
И по его голове
ползали мухи и комары,
кусали, гудели,
но до балды!
Он обрел дом
наконец на стране.

От элиты духовной
подарок при жизни
богатый вполне.
Каждинный хочет и
очень хотел,
но он один и успел.
А слова разлетались
как птицы вокруг,
и Мова, Язык
остались навсегда —
здесь и тут.
В сердце народа
хранятся теперь.
А писатели пишут,
и много потеря.
Поэты теряют
строчки, слова.
просят народ
поделиться.
Но...
Да!
Говорят элите духовной:
вы же все хоронили
Язык и Мову,
как же теперь
вам их вернуть?
А, вдруг, зароете в землю!
И дух элиты затуманился
надолго в стране.
Народ держит слово
пока что в себе.

10.10.2013

***

Можно только сожалеть,
но уже нельзя жалеть,
разве что детей —
надежду наших
грядущих дней.
Все остальные — еле ползущие
куда-то.
И кто их всех ведёт?
Чем это закончится
у тех ворот,
где Петр святой
нас ждёт?
Турнир особый по футболу
состоялся на стране.
Здесь, в Киеве,
и на районе,
где все здоровые как будто бы
вполне,
руководство двух церквей —
греко-католики
и московский патриархат —
выставили команды
священников
на стадионе.
— Бей!
— Бей!
Кричали зрители с трибун.
Но вначале “Отче наш”
прочитали
в центре поля,
потом, сняв рясы,
полуголы
погнали мяч.
Свистел судья в свисток,
болельщики визжали.
Ох, восторг!

Но что-то стыдно было
видеть, слышать это.
Турнир от бесов.
Турнир балбесов.
И грустно, и печально.
Чем кончатся такие
начинанья —
дискотеками и клубами с порно?
Баскетболами,
хоккеями?
Зло взяло
верх..
Куда, шатаясь,
движется наш плебс?..

11.10.2013

***

Он как лошадка, которая
с утра до вечера
тянет, тянет
воз,
плуг,
бороны,
сани.

Оба устали:
она и хозяин.

Голод,
холод,
снег,
жара,
дождь,
жажда.

Некогда думать об этом
даже.

Тянет,
тянет,
и хозяин часто ещё
и батожком подгоняет.

Грива мокрая,
пот по телу.

Его бы вытереть,
но кому до этого дело?

Хозяин снова выпил
изрядно,
в крестьянской избе
закусив хлебом и салом.

А ей немного сена
из сарая
да ведро воды холодной,
так что зубы ломает.
Подковать бы ноги,
но лишние расходы.
Полечить бы зубы,
но за какие шиши?

Хозяин и так живёт
как Бублик —
пес наш,
дворняга хромая,
старея в будке,
еле лает.
Крыша дома прогнулась,
падает.
Штукатурка местами облетела,
но жизнь всё равно
нас радует.
А, бывает, хлеб — булка целая —
даёт хозяин и гладит шею.
Курит, курит,
дымет самосадом,
а мимо проходят
людишки с
дорогими сигаретами,
и дым пахнет.
Но нет зависти,
и нет особых желаний.
Пять жеребцов родила,
разлетелись они,
и только память, память...
Иногда скучая слеза
стекает по морде.
Иногда мухи донимают
тело
и кровь пьют.
Иногда хозяин
пьян до бесчувствия,
а она покорно
тянет воз к дому,
и его дыхание чувствует.
Он тянет, тянет,
как лошадка.
Он кто?
Не знаю.

Так говорят о ком-то
часто.
Высшая похвала
для трудяги.
Мир не меняется,
и, кажется, всё
в нём прекрасное
так и осталось.
Он тянет, тянет...
На нём, я думаю,
земля держится:
а три кита — то
сказка старая,
она ведь ещё и вертится...

11.10.2013

***

Академик Жуликовский в горе,
и уже — с горы,
где долго был.
Вельможил.
В вице-премьерстве,
депутатстве
и другом всевозможном
гадстве.
Сейчас беда, несчастье.
Жена создала финансовую,
блин, структуру.
Денежки с народа.
Да!
В натуре!
Двадцать миллионов
их пропало.
Ей пять лет тюрьмы и дали.
Академик
апелляцию готовит.
Винит другую женщину,
её злословит.
Жена не виновата, мол, была,
а кризис!
Деньги съел, подлец,
как крысы.
Пережевали столько же
бумаги.
Но это оправдание смешно.
Нет денег тех людских
давно,
лишь вилла да разные
постройки —
типа бани.
Учёный и писатель,
последователь Тараса,
в такую, в натуре, бяку:
финансовую пирамиду бахнул.

Пусть шапку пустит
в союзе, там, на Банковой,
по кругу.
Соберут и отдадут
обманутому люду.
Двадцать миллионов
гривен
с портретами
Леси,
Тараса
и Мазепы.
Писатели должны помочь
коллеге в горе этом...

11.10.2013

***

Роскошь
сверхсияющим туманом
запахом парфюмов
обволакивает, тянет.
Ты ей поддаёшься
прямо
всем своим естеством
и силой всех своих
желаний.
Сколько счастья!
Ведь недаром
к ней стремятся
все отарой.
К ней заветная мечта,
памятник при жизни
ставят
из машин
и пароходов,
замков и дворцов
из камня,
самолётов,
унитазов золотых —
подразделся и сидишь
раз по пять на час,
даже если нет потребы.
Роскошь — счастье навсегда.
И возносишься всё выше,
и желаний выше крыши,
и ублажают все тебя.
Любят, чистят.
И в красе дорогих
аксессуаров,
украшений,

тканей разных,
шкур богатых
и мехов
плаваешь чуть выше
самых белых облаков
и несёт тебя
сверхслава.

Рядом люд чумной, убитый,
грязный, пьяный и дурной —
малообразован он,
и манеры...

Эх, манеры люда этого!
Смешно с высот
видеть эти курделя:
то не так,
и то не сяк.

И желаний в них
фанерных,
бутафорных,
парфюмерных!
Так смешно с горы
роскошной.

Видит око.
Хочет око.
Жизнь земная
так жестока...

12.10.2013

***

Бетонный забор,
столбы,
колючая проволока,
фонарь.
Тусклый свет из-под
немытого стекла.
Холодный дождь.
Тоска.
И тени пляшут
по бетону
смешными позами фигур
людей размазанных,
растерпанных и впечатанных
в забор.
Оплачено
всё кровью,
болью,
предательством.
хамством,
злом,
завистью,
обидой,
не добром.
За добро —
жестокими ударами
о забор, —
смерть.
Забор брал всех.
Места хватало.
Серый бетон стал
символом
злу.
Ночь.
Дождь.
Сырость.
Холод.

— Место есть?

— Есть, товарищ генерал!

— Примите партию
на сто кубов,
вгоните к вечеру в забор,
размажьте
и впечатайте дерьмом!

По номерам,
без имён и фамилий,
колонной идём.

— Вперёд! Быстрей! —
подгоняют хамы.

— Бегом!

Колонна двигалась.

Охрана —
солдаты,
дети ещё,
опускали глаза.

Солнце спряталось.

— Когда?

Хрипели люди
в ожидании конца.

— Прелюдий
вам не видеть.

Всё просто, быстро.

Ненавидеть —
главное для нас.

А вас, таких блаженных,
глупых
и верных
у нас большой запас,
и мы избавимся от вас,
очистим образом
таким страну,
как это делали не раз!

...В плену
эмоций
и страстей
метался по плацу
старлей.
Вчера он получил звезду.
Сам генерал вручал,
и обещал ему
большую жизнь,
и приказал
здесь, при заборе, послужить,
фонари включать, гасить.
И выстрел грянул.
Старлей вогнал в себя
девятый со свинца калибр.
А колонну поспешно
втирали в забор...

12.10.2013

***

Как было не раз,
всё в тот же час
я возвращался сюда
и опять
повторял всё те же слова,
и Бог отпускал меня.
В далёких мирах
новых планет
я видел тебя
сквозь плывущий свет
и черты дорогого лица
память обратно несла.
Но я просыпался,
и снова мечтал.
Я рвался туда, где мир
узнавал
сквозь цвет
необычных звёзд,
и снова просил тебя
помочь
увидеть всё тот же
плывущий свет
и тебя, звездой.
Но нет,
не всегда.
И страх приходил,
а, может, уже никогда...
Я же тобою и жил,
и Бог снова прощал меня
за юность в душе
и жизнь, как в игре,
где всерьёз только
лишь ты.
На Земле не найти
мне покоя уже
до конца.

И я в мыслях
повторяю слова
нечастой молитвы
Отцу.
Я мир другой на
Земле ищу.
А осень туманом
накрыла день.
Небо стало низко теперь,
и сквозь ветви
деревьев и золотую листву
я руки к тебе
тяну.
Закрываю от счастья глаза
и мне спокойно
так видеть
новый мир и тебя.
Гонит прочь
радость тоску,
и печаль
на быстром бегу
я бросаю
в дорожную пыль,
отсыревшую от осени.
Ковыль
чуть шевелится по степи.
Мой путь к морю
миров других,
где ты...

15.10.2013

***

Коммунизм похоронили
на стране,
оставив партию одноименную.
Свинье здесь шансов больше
нагулять жирок
и электорат привлечь
на праздник сала,
чем коммунистам очень отсталым
от бега времени во тьме
ими же и сотворённой
на словес деръме.
Социализм пал от мороза
вьюги,
пурги тоже предательской,
не для человека.
Партсоцлюди
и лидера сменили на
чистоукраинского
снежноморозного
и протухшего в политике
как эти
все.
Колрудь возглавил партию.
На грудь он
принял гроб идеиний,
засохшим скальпом
положил
орудия труда,
чтоб строить социализм
на стране
и навсегда.
“Колрудь — труба!” —
кричит ему народ:
“Колрудь — партийносоциигроб!”
А он всё прёт и прёт
на каторгу народ
под знамя соц.

Предательства торчит
оттуда хвост
крысиный,
облезлый, некрасивый,
и гербом вылиты рога
предательства веры и труда.
Страна бедна
не только на бабло,
на личности бедна.
Лишь зло в избытке
в закромах.
Зло — наш валютно-золотой
запас.
В предательства венке
центральным местом
щурит хитрый,
очень хитрый,
неповторимый
наш родной
единственный по миру
глаз.

15.10.2013

***

Долдонит и швыряет
с угла в угол
бесконечная неправда.

Губит
кого в психушке,
кого на зоне,
кого в своём
с виду нормальном
доме.

Душа, сплавая кровью,
ищет правду,
а её нет.

И лишь чёрт с неправдой
повсюду, куда не
бросишь взгляд.

Крышуют подлецы
таких же как и сами.

Гад и гад.

Под видом общественной
приемной в центре столицы
депутат
с вывеской Верховной Рады
держит блат
блатных
воров, бандитов,
и конвертируют валюту
во дворе себе тихо,
скрыто.

Но открыто
подъезжают лимузины,
а менты, разведка
и спецслужбы
МИМО, МИМО...

Проходят
и агенты их на деньги
общака страны.
В Европу лезут.
Ты!
Записался в главобком
к коммунистам,
социалистам?
Нет!
И поделом.
Там правды нет и не было
давно.
Там тоже блат.
Блатные и ворьё,
и высочки, и высокочки
судьбы.
Их бес отметил.
Я и ты —
сплошные дураки.
С нас смеются,
а мы — в кусты, в кусты...
Ладно бы с бабой.
Хоть и грех большой,
но объясним:
мол, так и так — эротторнадо.
А так — мужчина, воин —
и в кусты...
Ети е маты!
Прости, народ,
прости
своих служивых,
и отпусти
их с миром
в мир иной.

А угол сбитый
пеной и слюной
измазанный стоит,
и мечется, и бьётся
в нём мужик,
бросая силы на стену
тупую,
и ищет правду,
блин,
в тюрьме,
в психушке.
Дорогую
цену мы платим
бесам по неправде.
Большую кровь
сливают души
в поисках хотя бы
искры, крупицы
правды.
Но всё запутано
в клубки колючки
и змеи шипят.
Гады, гадючки
берегут неправду.
А людям сносит крыши.
Чего ради?
Неправды!..

17.10.2013

***

Ночь.

Квадраты и прямоугольники
окон по фасадам.

Некоторые со светом желтым,
теплым,

как вроде бы так и надо.

Другие темные,
и веет тайною от них —
как будто бы граница
в мир, где призрак спит.

Огромным шаром луна
по небу.

И призраки вдруг оживают
там, за стеклами,
где темень,
где кто-то спит.

А где-то дом пустой,
и призраки
один, другой...

Лица спрятаны
под покрывалом ночи,
лишь фигуру
освещает лунный свет.

И осень
листвою по земле.

И жалко мне
мои мечты, что
не свершились и ушли.

А может это призраки они?
Особенно те, страстные,
мечты.

А ночь всё глубже,
и всё длиннее день.

На календаре уже
число другое.

И грустный пень
меж двух берёз —
остаток третьей,
что усохла.
А где-то
крик рождающий
ребёнка в мир.
А где-то стон,
и призраки страостей
в тёмных окнах
запомнившихся мне ночей.
А листья падают
и золотом порадуют
в день завтрашний
всех первых,
кто выйдет
из дому
в серую струящуюся мглу.
Уйду и я,
а, может быть,
уйдёт душа.
Сегодня, завтра...
А когда?
Но это тайна для меня.
Спокойно
созерцаю из окна —
падает листва...

17.10.2013

***

Мысли нежно входят
в мой мозг
бабочками и мотыльками.
Приятный шмелиный гул
наполняет меня мечтами.
А дальше, как из-за угла,
комары и осы
кусают,
а потом пошла, пошла
тяжелая артиллерия
корпусами.
И уже рвут и не жалеют
меня,
в дебри тянут густые,
а там сам главный
бес и сатана
ждут в болоте
шальные.
И бежит
поток транзитов
просекающих насквозь
пулями трассирующими.
Избыток
женщин,
секса,
денег,
 власти
и славы.
Пусть пропадут все эти
мысли-мечты —
я не остался бы
долго с вами!
Медленно прихожу в себя,
зубы скжав
до хруста.

И кулаки белые
у меня,
и молитва —
с трудом
и грустью.
А там радость вдруг
из глуши
чащи густой
лучиком света,
и легче
голове измученной.
Вроде бы они не мои
эти мысли, бегущие цепью,
но бороться с ними —
увы! —
мне приходится часто.
Недобрые гости...

17.10.2013

***

Я прорываюсь сквозь
разрытую и пересеченную
местность.
За мной по пятам гонится
отряд зверств
повсеместных.
Я с милосердием
и добродетелью
нарвался на низменные
чувства и страсти
всех этих...
Их много, и они разные.
Одни наделены властью
и стали заразные —
коррупция и насилие
с пытками дикости,
озверение человека
и распад ядерный личности
горем для многих.
Насилуют, бьют,
грабят, крышуют
и не дают
жить...
А жизнь берёт своё.
В любое время года
любовь и свадьбы —
поделом врагам!
Годы несут нас всех
к желанной цели.
Дети, дети...
Радость.
Вехи.

И просто бандиты из
рвением свиты
прихлебателей
и хлебателей дармовой
похлёбки
за счет труда
простого человека.
Ломают двери,
ломают окна,
ломают руки,
ломают шеи,
бьют головы.
О...
Оз...
Озве...
Озверели!
Зверь им не брат.
Речь о других зверях.
Да, оттуда, с преисподней.
Туго-туго
жизнь в округе,
а округи — на полмира.
Я вижу плач и горе там.
Сидит палач,
и барабан
молчит с утра.
Он ждёт указа.
А пока смывает кровь
с рук и одежд.
Вчерашний день
был страшным здесь.
Летал топор
туда-сюда.
Как в этом...
Да!
Да!
Да!

Я прорываюсь и зверею.
За что мне эти ямы, звери?
За что идёт за мной отряд?
И новых выборов опять
подряд,
и обещать все будут так,
как год назад.
Что изменилось в нас?
Чуть подсобрал совести, любви в себе
и нужно всё бросать,
и бежать, бежать, бежать...
Местность пересечённая
опять...

17.10.2013

***

Глупость глупостью
наполняется.
Глупость с глупости
изливается
и течет по миру.
Распространяется.
Глупость с глупостью
уживается,
но иногда
бодается
и стреляется.
Глупость более сильная
перед глупостью слабой
ухмыляется.
Глупость слабая
беспрекословно подчиняется,
особенно в партиях,
где щеки так надуваются,
что потом ими
за стенки и заборы
цепляются.
А бывает везут глупость
в лимузине,
а щеки сквозь окна
выпираются.
Глупость сильная
и почти не побеждается.
Хоть мудрость Божия
на неё посылается,
но глупость
бежит, прячется,
а когда всё затихает
вылезает наружу
и насмехается.
Мудрости мало,
и покрыть ею весь мир
не удается, не получается.

Она как звезда
светит, учит,
но глупости больше
люд поддаётся.
С глупостью легче.
Она есть свобода
примитивная,
вседозволенная,
пошлая,
но завода
у неё хватает,
и все кайфуют,
и часто с ней и доживаются.
Глупость множится,
размножается.
Ей на земле уже места
мало
и она в небо прорывается.
Но там ангелы
отсекают
и вниз бросают.
Она потом гниёт
под собой
и иногда умирает.
Но мир ею переполнен.
Это когда-то был
праведник, воин.
Был император
и поэт.
Сегодня всё стало проще,
и нет желания
борьбы с собой на нет,
если столько соблазнов
и все удовольствия горой.
Бери так.
Бери в кредит.
Бери силой.

И пусть горит
терзание совести.
Глупость живёт
долго
и в постоянной весёлости...

20.10.2013

***

Однополые браки
и свадьба горой.
Скатерти смяты
и водка рекой.
Музыка Баха
и мордобой.
Стенка на стенку,
село на село.
Бабы пьяные в стельку
режут друг друга.
Свело
их веселье
и любовь на слезах.
Баба с бабой
страдают
и бухают коньяк,
а потом самогоном
заливают дыру,
что в душе
на полмира,
и поговор по селу.
Мол, беременны
сразу
стали обе.
А как?
Пришёл российский “нищак” —
однополые свадьбы.
И самодельный коньяк
заливает деревню
из пяти хат
в камышах.
Музыканты играют
пьяны, на бровях,
то шансон,
то, вдруг, танго,
а потом опять Бах.

А деревни дерутся
частоколом тынов.
По России
живутся
только те, кто нашел
из далеких аулов
родину здесь навсегда.
Те хранятся от моды
и рожают дитя.
Каждый миг по ребенку,
и Россия стала смугла
от мигрантов колонн,
что вошли навсегда.
Однополые свадьбы
и водка рекой.
Скатерти в пятнах
и сплошной мордобой —
от Курил и до Брянска.
А с Кавказа и Азии Средней
плывут мигранты в Россию
бесконечной волной...

21.10.2013

***

Желание жить в империи.
Желание быть императором.
Жажда возглавить империю
и повторить подвиг и славу
всех императоров.
Феодализм.
Капитализм.
Социализм.
Коммунизм.
Империализм.
Гомосексуализм.
Терроризм.
Фашизм.
Антисемитизм.
Плюрализм.
Либерализм.
Рассизм.
Оголтелоизм и измы оголтелые —
страницы
всей истории
как спицы
в колесе событий.
И внутри их главный —
разбушевавшийся и тихий,
агрессивный и жестокий,
добрый, милый и высокий,
низкий, злой, коварный,
алчный,
цель любой ценой урвавший.
Цель — лишь власть.
И ради власти
личности своей
мордастой или худой, туберкулёзной,
или упитанной, лощённой,
а, может, в оспе
и с усами,

а, может, усики змеёй, —
но славный
сам себе и для себя.
Пирамида навсегда.
Мавзолей и труп в витрине.
Памятник на сверхмогиле.
И отсутствие могилы
как таковой,
и лишь дебилы
празднуют дни рождений
и ухмыляются
от плюрализма мнений.
Святая Русь была
не раз
империей
не на показ.
И падали они ломаясь,
сгорая в пламени.
Усталость держателей их
и держимых
и рож холено-развлечимых
в гуляньях тела и души
камнями сверху —
не дыши!
Или дыши.
Но поздно.
Заточите вы карандаши
и напишите дату.
История дала нам маху,
и повторяет кренделя
выписывать
вокруг Кремля.
И новая империя жива.
В умах и действиях
хотящих.

Но лишь Кавказ
и азиаты
пока съезжаются
в Москву.
Немного наших.
Полиция
и шпики начеку.
Аулы едут да бандиты,
тут и своих
до самого рожна!
Ещё китайцы да
другая нищета.
И цель их непроста...
А думают об этом
у Кремля,
или, в Кремле?
Но крик: фашизм! —
и ты в тюрьме.
Но крик: расизм! —
и ты в дерьме.
Империя...
Вот бы и мне!
Как много стало их,
охочих
империю слепить.
И Штаты клецают свою.
Европа в объединении
ещё
не всё сказала.
Пока лишь в полнакала
Китай хитрит
и рассыпает люд
по миру.
Четко.
Хук да хук.
Уже живут.

И секретарь ячейки парт,
над ними сверху
аккурат,
и деньги всем уже дают,
но будет фук
тем, что берут.
И будет жарко от мильярдов.
Но не зелёных,
а тех, кого не надо...
Арабский шлейф
революсъён...
Объединятся всё-таки
потом.
Дразнить не нужно зверя.
Но все дразнят
так неумело —
поймёт и пес Барбос,
но будет поздно,
в крови уже и нос,
который лез туда,
куда
не надо.
Россия встанет
от шоколада
украинского —
сам олигарх его глотай!
И всё глотай!
Была и база в Конче-Заспе,
рабочие там отдыхали.
Здрасте!
Вы и так все в шоколаде!
Домики снесли,
и три гектара
отошли под резиденцию
того Петра
хитрющего
от шоколада.

И так хорош он
для людей
да и не людей.
Хорош он всем.
И любит его народ.
Голоса дают вперёд.
А журналист Портник
говорит, что только
этот олигарх
родину спасёт.
От чего?
Зачем?
И почему?
А с родиной то что?
В плену
и оккупации пока.
Но так хотели,
оставили ведь гопака,
сорочку вышитую,
рушники.
Оставили хаты белые
и цветники.
Так что спасать,
едрёна мать?
Но много их
империю создать хотят.
И даже здесь, по хуторам,
объединиться тут и там
и выступить одним
отрядом.
Но все зека
и стройки БАМа-2
тут рядом...
Смешно?
Мне нет.
Но я не плачу.

Я в поисках любви
осенней
так рысачу
по паркам золотым
в листве горячей,
и вспоминаю осень
Помаранчевую нашу,
и гениев-вождей
говённых,
продажных,
недостойных.

А с ними и Петро,
тот олигарх,
он кум Юшка-тележки,
и аки брат.

На брата брат,
но не у нас.

У нас из-за угла
кайлом и битой,
и ножом,
и киллер с пистолетом
под дождём.

Из-за угла.

Ой, люди!

Да!

А может все углы снести?

И жить начнём.

А ты ещё глаза им
полечи.

Тот жирный прищур-взгляд
снеси.

А как?

Империей, дурак!

Вова хочет,
но не мастак.

А я мастак,
но мне — никак,
оно мне — от винта.

Я в осени горю,
сгораю вместе
с листом в солнце
запутавшись
здесь в паутине,
заблудившись
в бабьем лете.
Ищу себе любовь,
а эти...
Мне барабан
по барабану.
Мне строем под
команду зека
не канает.
Я в осени горю,
сгораю.
Я счастлив в ней
от края и до края,
и измы здесь
в листве горящей
все мелькают
угорая...
Империя!
Все повторяют.
Ищите Бога,
Он устроит и управит.

21.10.2013

***

Отстать.
Отбиться.
Не пойти.
Но гордость бьет нас
на пути,
и вопреки
стараний наших
мы всё же лезем
все
и машем
рукой приветствия
народу,
стоящему в обочинах
дороги,
где только нам,
гениям
и избранным,
идти...
Для остальных,
стоящих грустно
и машущих нам
вслед, —
обман.
Искусно каждый вылепил
себя.
И гордость кокайном
в кровь пошла,
и радость гонит
от себя себе
и за себя.
Но где-то там, внутри,
душа.
И что-то в ней скребет
пока
и хочется
отстать,

остаться,
не пойти.
А гордость гонит в путь
идти,
и кокайном по крови...
И каждый гений здесь
и так себя считает,
того, кто рядом,
унижает,
ненавидит,
оскорбляет.
Гений только он,
и так считает...
А путь
в коврах,
гранит
и мрамор, и
обувь изысканная
даром,
и взгляд наш
сверху вниз.
А тех и жалко в стороне,
но то их жизнь,
и, как по мне,
чего вам, дуракам,
идти,
стоять,
приветствовать,
цветы
и флаги
нам нести
на обочину
золотого пути.
Но лезут дуры
поглядеть,
рукой махнуть
и фонареть,

фонареть
полжизни от этого,
что видел, видела его
гения
политики,
театра
и кино.
Попсовой культуры
люд — бревно.
Но всё-таки идут.
обочина их тянет.
Жизнь так проводят.
Отстать.
Остаться.
Не пойти.
Душа горит.
Позор пути.
Не гений,
не гений он!
Обычный жлоб.
Дешевый поп.
Но гордость кокаином
по крови...
Гордыня гонит нас,
и мы на золотом,
пока, пути...
Руками машем
им всем сверху вниз,
а они лезут поглядеть
с обочины на настоящую,
как считают, жизнь...

22.10.2013

***

Языки пламени
все ближе
и выше,
и вокруг меня
бушует уже пламя.
Огня не ждал такого.
— Но это суд, —
сказали мне.
— И нет другого
выше
и честнее.
...Прошу
простить меня.
Но суд неумолим.
Всё ближе
языки огня.
И нет команды встать.
Да я бы и не смог.
А пламя жжет лицо,
горят и руки.
Больно и горячо.
Не знал я о таком
суде.
Привык я к нашим,
где по мзде
с улыбкой решаются
вопросы.
Любые.
И никто не спросит
о тайнах в сердце,
о грехе.
Огонь горит уже
во мне,
сжигая плоть внутри
и сверху, —
к небу пламя, дым.

И вдруг исчезло всё,
как и пришло.
И на обгоревшее плечо
мне руку кто-то положил.
И исцелил.
И медленно ушёл.
А я остался дальше жить.
И выжигать с себя
я должен сам теперь
всё то, что
насобирал.
Потерь не жаль,
а жаль лет бесцельности житья.
И буду я пока
сам себе судья.
Смогу ли честно я?..

23.10.2013

***

Дым, дым, дым
машин.
Пыль, пыль, пыль
машин.
Шум, шум, шум
машин
Что мы больше в жизни хотим?
Лимузин, лимузин, лимузин.
Джип, джип, джип.
Льётся масло, бензин.
Цивилизация задавлена
потоком машин.
Места на улицах нет
для людей.
Тропинки узкие по тротуарам
да переходы на перекрёстках.
Важно едет лимузин.
Комфорт, кайф.
Бензин
горит под капотом весь день,
дым из труб.
Ну и что?
Цивилизация сдвинула
границы
природы живой,
и не спится
сегодня часто в ночи.
Моторы шумят
и визжат тормозами
силачи.
Люди стали карликами,
машины растут в размерах.
Из маленьких,
за десятки лет, —
в гиганты.

Лак блестит.
Автомобиль летит.
Трупы и кровь
на асфальте в привычку.
Трупы в машине
друзей закадычных —
водителя и автомобиля.
Цивилизация что-то не то
породила.
К чему мы идём?
И ухо
не слышит ответ.
Лишь
дымя,
шум,
пыль,
удар —
и кого-то вновь нет.
Автопром набирает мощь,
и бицепсы нарастают
у него —
грош на грош...

24.10.2013

***

Как хочется собой гордиться!
Как хочется собой хвалиться.
И славы,
славы
и наград!
И чтоб узнавали все,
и каждый мне был рад.
Чего греха таить:
хочу медалей, орденов,
чтоб бюст был золотой.
Чтобы бежали журналисты,
мотались папарацци,
и артисты
остались далеко сзади.
А народ мне —
хвалу,
и славил, славил.
Днём и ночью.
Чтоб вокруг меня
крутились люди
и ловили взгляд мой.
Очень
хотелось бы.
И в неге грёз
лежать в шелку постели,
а рядом —
девочки.
И много.
В самом деле,
ведь кто-то же живёт
вот так!
И пить не квас
из полиэтиленового литра,
а лучшие напитки.
И кушать трюфеля, омары.

И мясо дичи редкой
хочу чтоб подавали.
И все завидовали мне.
Хочу всё это.
И жизнь эта — по мне.
И чтоб не работать,
а только — сцена.
Вышел, что-то им сказал,
и зал взревел.
Накал в мильёны вольт.
Я так хочу
втереть всем нос.
Попсе, политикам
и прочим.
Но не получается
всё это.
Очень обидно мне.
И не монарх я на коне.
И не режиссер российский,
барин.
Жизнь так тускло
лампу накаляет.
И унитазов золотых,
и умывальников таких и ванн
нету у меня...
Это не декларация налоговой.
Налоговая — то фигня.
Она в бесславии скрывается
сама
и славит пахана, вруна.
А моя декларация
проста:
пузырь водяры
мне с утра
и бабу в койку
раз в квартал.

Зарплату бы, но я устал,
и работаю уже не много.
Я жду своё,
свой ключик золотой
и дверцу к славе, благам.
Хоть раз.
На час,
или на два.
А мне поэт один сказал:
я, мол, чуть-чуть горжусь
собою
за то, что в Бога верую,
и зарёю наслаждаюсь
по утрам,
природой,
пеньем птиц.
Люблю детей своих,
страну, хоть
много в ней
и нехорошего я вижу.
Землей-планетой
упиваюсь,
минутой каждой
наслаждаюсь.
Но он поэт.
И мне его понять — никак.
Он чуть того
в своих стихах...
А я же о другом мечтал...
Хочу того,
о чем сказал!

24.10.2013

***

В стране национальностей
немало:
болгары,
румыны,
венгры
и татары,
китайцы,
корейцы
и вьетнамцы.

Представители Кавказа и Средней Азии —
поселениями целыми.

Можно перечислять и дальше.
Но смысла в этом? Хватит.

Все они говорят
на своих языках,
торгуют, ругаются, судачат и кричат.
И никому никто
не вправе запретить,
они и дальше будут
говорить.

И никого это не
удивляет и не удивит.

А русский и украинский,
безусловно, в большинстве.

Но только кто-то
рот откроет,
сразу все:

— Внимание! Вперёд!

И так прессуют
друг друга

уже не один год.

Тому дай мову,

тому — язык.

Тот стал матёрый

шовинист,

а тот — националист.

Но оба народа —
братья по крови,
братья по земле
и по Руси,
славяне,
корень их один.
Но кто-то карту разыграл.
Какой-то хитрый
господин.
И поддалась часть народов
на эту глупость
хитроуродов,
и пляшут, и поют
под музыку чужую
в своих хуторах
и огородах.
И кто?
Когда?
И как теперь
их образумить?
Сила недобрая,
скорее всего, их крутит...

27.10.2013

***

Мелькание лиц
и отсутствие личностей.
Измельчение лидеров
и мелькание идолов,
которых лелеют,
создают и балдеют,
стенают, рыдают
перед ними,
вздыхают
и бегут, чтоб увидеть
эти лица
опять.
Сидят по нычкам,
прячась от жизни.
Привычка
прирастает простотою
в примитив бытия.
Мысль, вроде, умна,
но себе,
для себя,
и рассеян народ
по земле.
Круглый год те же лица,
и на Новый
спешится
с бокалом,
чтоб напиться
от пожеланий вождя.
Мудрость пала,
и падала на Земле
завсегда.
Кое-где поднималась
личной славой его.
Личность, которой
мир гордится сегодня.
Ну и что?..
Нет пока таких новых.

Только морды галдеж
с телевизора,
хоть отрежь
все шнуры от коробки,
чтоб не видеть ущерб,
от которого тошно.
Каждый же лезет вверх.
И чиновник бездушный,
и народ по толпе.
А на сердце
так грустно,
и живём в бардаке
вечных странствий как горя
по кругам
и по норам,
по сусекам
и дырам,
поклоняясь кумирам.
Нам без них
невозможно,
и мы мечтаем, чтоб
грозно
вновь рык несся
над нами,
и ломались ногами
в поясном прогибанье
перед новой тираньей.
На проверку
потом он окажется
тоже вором
и подлецом.
А мир гонит картинки,
в телевизоре кадры —
лица-полуботинки
и лица, как наизнанку.
Интеллект, пробиваясь,
рвёт плотины застоя,

но его так мало,
ещё меньше героев.
И винят все друг друга,
надуваясь, сердясь.
А мне снова подруга
подарила калач,
где лишь дырка осталась
от надежд под чаёк.
Телевизор включаю,
а там снова
поёт,
говорит стекленея
рыком зверя в ночи.
Лица их фонареют
от безличностной
пустоты...

27.10.2013

***

Мы падаем надёжно, но
медленно.
Хоть нам постоянно
твердили,
что мы поднимаемся вверх.
Удивительно, но многие
в это верили,
хоть часто толком
нечего было и есть.
Но нас приучили
к холоду, голоду,
нас приучили
к стуже
и молоту,
который висел
над головой.
В Бога не верили,
хоть и вспоминали
в матерных словах
от злобы
и просто так.
Каяться не могли
и не умели.
Страна была главное,
но главнейшими были
цели.
Особо мудрые,
пальцем тыкая в небо,
говорили вполголоса,
что-то, мол, над нами
есть.
Но это не были цели.
Были вожди.
Они часто падали
в своей же крови.

Ради цели нужны были
мертвые тоже,
может, даже и чаще
чем те, кто живы.
Наука освоилась быстро
такая
общества целей
как таковая,
и приживалась
в Азии,
Африке.
Там кровоточили
вожди-ужастики.
Мы падали надёжно,
но уже понимали.
Возможно, у нас был
шанс.
Но многие верили в цель,
которая главнее всего
была в нас.
Сменились,
снимая,
ломая,
куруша,
тащили себе —
кто воз, кто быка.
Ненавидя люто и матерясь.
Глаза, мол, открылись.
И вот она, связь.
И знали уверенно кто виноват.
Знали, что делать опять.
Но лютая ненависть
осталась у нас,
и мы ею друг друга
и власть,
а власть — нас.
Падение стало умопомрачительным.

Задело другие страны,
а их предводители
пока завязали от страха
глаза,
или закрыли, и кто куда.
Падая
рушим,
крушим,
цепляем всех кто рядом,
и помогаем
сменить их вектор
на наш.
Лютой ненавистью
связали багаж.
Важность лиц оттуда
аж...
Церкви строим
и в Бога верим,
но от этого
почему-то тупеем,
и Бог для нас
такой же, как мы.
Простой кураж
и коридоры тьмы.
Сплошные запутанные пути.
Рельсы ржавые
тащат кто как —
гривня кило — в металлом.
Продать, купить,
и поделом.
После нас — хоть потоп.
Лютой ненавистью
наполнен гроб,
который тащим
в красном бархате
туда,
в другую цивилизацию...

***

Мне бы в Германии
или Швеции
вид на жительство получить
и там до чего-то дожить.
Налоги с тех денег, что мне дадут
не впритык
там им и платить.
Чтобы со мною
носились, возились.
Чтобы любили,
славили и возносили.
А потом,
здесь, в Украине,
подняться в должности
выше
ватерлиний
и на мостик тот
заветный,
капитанский.
У меня уже есть кепка.
Есть фуражка адмирала
сил морских.
И не украл я.
А подарок дорогой.
Я жизнь люблю
любой.
Но там, в Европе,
лучше нашей.
Там всё отложено,
и скачет
индекс мой на их табло.
А здесь падло, падло, падло...
Ненавижу,
презираю.

Но к власти рвусь
и побеждаю,
успеваю ухватить
сытый пирог
и проглотить.

Сам!

Ам...

Ам...

Ам...

27.10.2013

***

Сдвинулся сон.
И на перрон
вышел дежурный опять.
В красной фуражке
и жезлом в руке
поезд встречать.
Но его нет
и не будет везде.
Последний лет сто
как ушел в никуда.
Ехал путями наискосок,
рельсы трещали, и шпалы
в песок
вгоняли колеса.
Но поезд ушел
через лес,
оставив просеку,
а потом
на луга —
и был таков.
Навсегда.
Станция трудится,
ждёт поезда.
Семафоры работают,
и светофорам всегда
глаза промывают,
чтоб ярче был свет.
А птицы летают и
кричат с небес.
Эта идиллия — сон на траве
картины француза,
где всё как в тюрьме
со свободой движения
лишь по трубе,
а дальше — ток бьёт,
и сотрудник бежит
обратно к труду.

Трудится станция
день,
потом ночь.
Собрания, встречи,
конференции.
И свисток
ожидают от поезда
к ним.
Но поезда
не идут,
хоть умри.
Живущих надеждой
тысяч под сто —
целый город
живёт,
ждёт свисток.
А в телевизоре музыка,
танцы,
а в телевизоре драмы:
китайцы придумали
новый чугун —
он легче пены
и крепкий, аж жуть.
Нет политиков, выборов.
Где-то чуть
об истории скажут,
и то — века средние, —
а больше лишь
вяжут,
готовят,
шьют
и целуются.
Об этом программы
говорят.
И рисуется
новый проект
полёта на Марс.

А поезда нет.
Лишь светофоры горят.
Я думаю:
всё началось
с воскресенья,
когда страна вновь
перешла на зимнее время...

28.10.2013

***

Безумие алчности бездны
зрящих
превращающей
в призраков.
Презренных,
бедных,
обиженных
волею
времени,
даты
и места.
Бездна глотает и
вечно отверста.
Люди идут не зная
куда,
не ведая даже когда.
Гонит их в шею
злодейка судьба,
которая с бездною
язык общий нашла.
Зримые были, а тут
уже призраки,
бродящие по миру
чистые,
тело оставив бездне
счастливой.
Бездна находит
добрых,
строптивых
злых
и коварных,
женщин,
мужчин
и детей.

Ей достоверно известно
о павшем
и тут же мгновенно
навеки пропавшем
в чреве безмерном
и безграничном.
Бездна отверзшая
часто клубится
дымом
и жаром,
и просто водой
в волнах могучих.
И только порой
из неё вырываются
вновь в мир живых.
Цепь обрывается
и бездна кричит
грохотом магмы
из-под земли
ударами в скалы
волн.
И только птицы
над волнами
вьются, летая
под ветром могучим,
не поддаваясь —
то коснется
воды крылом,
или нырнет головой,
и снова взмах крыльев,
и вверх под волной.
Птица-герой.
И, порой, я думаю
как слаб человек.
Сколько преград
на пути.

Его век
так короткий,
и часто на взлёте
он падает в бездну,
ломаясь в борьбе
за корку хлеба
на дивной красивой Земле.
А сколько неправды
на пути, по пути!
Праведник гибнет,
а злой мельтешит.
Но не мне здесь судить —
я, как те птицы,
по воле небес
над волнами бурными...
Но человек
движется ночью и днём
до конца.
И всё так быстро
как будто начал
жизнь только вчера...

28.10.2013

***

Меня поразил
вирус агрессии
и вирус зависти
за ним следом,
а там и
вирус предательства
и неверности.
Дьявол лазил
в стране, где без Бога
делалось всё
и смотрелось убого
и бездуховно.
Вирусы плавали
в террапространстве
и дьявол их множил.
Искали они добрые души,
чтобы войти, влезть
и нарушить покой
человека и его жизнь.
Вирусы грызли так,
что держись!
А держаться-то было
никак.
Бога в нас не было,
только книжки в руках.
Книг было много
великих людей.
Ими спасались от
жутких идей,
которые вирусы втравили
в мозг,
повредив душу.
И кто как мог
боролся, болея, сам
с собой.

А ненависть с лютостью
рвали мосты,
рвали пути, по которым
идти,
рвали пространство,
и меркли красоты,
пока не упала
страна по частям
на свалки, погосты.
Её собирали и продавали,
а нам оставляли
безумные взгляды
и боли с болезнью
от вирусов страшных
дьяволов прежних.
Мы, не сдаваясь,
сдавали и шли,
умирали,
бросая всё на пути.
Кто-то остался, и
в вечной борьбе
с собою и болью
в пожратой душе.
Как-то удалось
кому-то пробиться.
К Богу!
И там, у Него,
излечиться.
Памяти груз оставался
калекой,
и он висел тяжестью
на шее поэтов,
писателей и многих других,
творческих, сильных,
и дух их не сник.

Он закалился,
поднялся от страсти
пороков дьявольских,
и стал метаться
в новых условиях
ещё более страшных.
Но то часть жизни другая
поколений страдавших...

29.10.2013

***

И льются,
и льются слова
как песнь соловья.
И всё про себя,
и хваля,
и хваля себя.
Я говорю сам с собой,
отработав
фразы,
темы.
Готов
и готовлюсь
великим я стать
в чужих
чых-то глазах.
В своих я давно
поднялся как мог.
Бывало и стыдно.
И Бог вправлял
мне мозги
не раз и не два,
и голова трещала
по швам.
Но мысли те шли,
и я вновь начинал
беседы с собой
и о себе.
Говорил, скрывая
шероховатости жизни,
которых собрал
как умел.

И прятал
за фасадом
красивым
грехи.
О них было стыдно
до людей донести
своё падение и свой позор.
И говорил, и говорил
как позёр.
Ставало вдруг стыдно
за славой бежать,
просить за неё,
молить, умолять.
И раздражение
взрывало меня:
да на кой мне всё это?!
Позор и фигня.
Страсть
к величанию,
величию,
славе —
дело бесов,
бесовская забава.
Но я, позорясь, опять
начинал.
Уставал и бросал
диалоги с собой.
Стыд пробуждался
и я, порой,
готов был порвать
себя, как лев
разрывает лань.

Но нерв
останавливал ярость мою.
Вот так и борюсь,
живу,
и над собою
часто смеюсь...

30.10.2013

***

Растёт внешний долг
на стране:
уже шестьдесят семь
миллиардов долларов.
В дыму, огне
правительство,
как на войне,
в борьбе за рост доходов,
ВВП
и экономии везде,
особенно там, где не нужно.
А взять бы власть всю,
олигархов
и их счета, недвижимость
бабахнуть
хотя бы пополам
и долг покрыть.
Но гам поднимется
большой,
боятся все идти
таким путём.
Вот Форум ялтинский
прошёл.
Экономический, пенсионный,
“лиц уважаемых”,
и не нашёл
путей и выхода
на свежий воздух.
А так всё трут и минут,
и гложут
всё ту же кость
свободы и надежд.

Вот если б Форум
экономический — замест
дворца царя —
на Колыме, где
остались концлагеря,
и всем собраться там,
да без гостей —
тех свадебных генералов,
зачем они здесь нам? —
да поговорить бы
по душам...
И долг бы перекрыли бы
за день,
а, может, два.
Остались бы и деньги
с лимузинов, яхт,
любовниц взять за место
то крутое
и тот же с них налог,
за проституцию —
доколе будет блядство
без патента?!

Ведь каждый кто с деньгами
имеет девку, содержанку,
а она снимает пенки,
не платит в казну ни копейки.
И там много других аспектов,
где деньги большие тайно врачаются,
и это...
Колымский Форум
экономический
развить
да навсегда продлить!

А Ялтинский, в царском
дворце, закрыть.
На кой он нужен,
в пустоту всё говорить?
Внешний долг,
а внутренний, не долг?..

02.11.2013

***

Дурной пример
заразительный.

Я тоже решил
день рождения праздновать
в Париже.

Миллионов за пять евро,
можно, немножко ниже.

Для этого создал
фонд своего имени.
Начинаю сбор средств.

На что взорвался наш
премьер:

— А деньги с бедных берёте?
А с государства тоже?

Или только с богатых, может?

— Беру, как вы говорите,
со всех.

как берёте вы
и ваш контингент.

Дурной пример
заразительный...

А на завтра полстраны
бюджетников, военных, студентов
да и просто шпаны
бросились регистрировать
свои фонды.

Кто хочет день рождения
справить удобно.

Кто на свадьбу
и путешествие.

Кто на автомобиль.

И пошли,
и пошли,
и поехали...

Очереди, давки по администрациям.
Такси заказать невозможно.
Таксисты давятся в очередях
по регистрации фондов.
Поезда стоят.
Стройки лежат.
Школы, вузы визжат
одинокими учащимися
и тишиной отсутствия
преподавателей.
Закрыты магазины.
Не вышли газеты.
Что-то вякают отдельные
телеканалы про это...
В студии
то психиатр,
то сексопатолог.
По первому — невропатолог,
а остальные — в заставках.
Страна остановилась,
то ли от глупости,
то ли от достатка.
Объявления
на столбах,
заборах,
бордах.
Объявления
в кустах, на траве
и детских горках:
“Продается фонд!
Дорого!”
И все звонят, бегут.
Кто же наделал столько
шороху?
На меня вышли спецслужбы.

Долго пытали,
обещали дружбу.
Но я сказал, что
я не первый.
Первым был ваш олигарх,
делу тестя верный.
Дурной пример
опасен...
Но не так уже и страшен...

02.11.2013

***

Воюють зі стріхами
віками,
палять їх
один одному
мов окупанти.
Додому,
з дому
завжди багато
йде на своєму злі.
У нас не люблять,
не радіють
чужим успіхам.
У нас клеймують
та ненавидять
уже тільки за те,
що в око впав.
Ховаються в лісах
посеред світу
хто як зміг,
тому що зустріч кожна —
зваба
і ворогом стає їм.
А що вже панство!
Над холопом
в сорочці вишитій
стоїть.
То ціле горе,
і ніхто від нього
не може зборонить.
Вони все збрешуть,
перекрутять,

від страху владу
віддадуть
якомусь пройді
і ще й схочутъ
йому служити,
рвучи холопам пуп..
Змугикали та відригнули,
коритом стукнули
об хлів,
і всі в медалях
та мундирах
стали пани...
Пани...
А жерти
так і не навчились.
За ними пусто,
всюди грязь.
І, недолугі,
кладуть в могили
тих, з кого вже
нічого взяти.
Пройди світи,
і не знайти
таких пройдисвітів як ці.
Шановне панство
у вінках.
Тутай
ганебно продають,
тутай
ганебно крадуть, п'ють
і б'ють
всіх, хто їх крацій
і не жмиқрут.

І тільки й чути: “Мова! Мова!”
А очі їхні бачать гроші — долар.
А плуг
давно іржавий,
борони пропали,
зерно
поїли миші.
І тільки пам’ятники
вищим,
яких зробили мов святих.
Стойть такий собі
в вінках, стойть,
аж сміх,
але для них —
то торба втіх.
Могили люблять
ще з тих стріх,
які палили
і гноїли.
О, білі хати України...
Чому ж таке тут зло,
як більш ніде
йому?..
Пішло б.
Пішло б...
Але його гарпують,
народжуються з ним,
його плекають.
О, мати!
Невже ж ти
так проклята?
Таких синів хотіла?
Босота по душі
і пан для тіла...
Такі, такі у нас пани...

Злідарство совісті,
любові.
Страх,
мов чорний птах,
усе накрив крилом.
І знов сусід сусіду
палить стріху...

02.10.2013

***

Стадами быков обезумевших
шли народы по своей земле,
вчера ещё живой, сегодня словно умершей.
Крушили всё, что на пути,
без помощи извне.

Питались жалкими статьями
из газет, журналов
да телепередачами,
но все и так всё это знали,
ничего там нового
не прочитали.

Обезумевшими быками...
И всё-таки сломали,
напрочь уничтожили
и разорвали
на части разные —
кому куда.
Себе на горе.

И беда грехов Иуды
упала на народы.

Путы
новые одели,
да пожестче.

Кто не выдержал —
на кладбище, в песочек.
Кто на алкоголь упал.

Народ страдал
и вымирал.

И “новые”, вдруг, лидеры
из “старых”
взялись бороться за державы.
За правду якобы,

за люд.

А истина-то? Нет, не тут.
Но кто её искать
здесь будет?

Куда-то стадо снова прёт,
но там уже не только
те иуды,
там убийцы и ворюги,
там жестокие бессовестные люди.

А истина...

Кому она нужна?
Идёт бессмысленная —
на брата брат —
в угоду антихристу
война.

03.11.2013

***

Осенний бал.

Лидер христианско-демократический
на старой выхлопной
трубе играл.

И как играл!

Коммунисты и националисты
в танце.

Бал.

Попарно люду
с бантиками красными повсюду.

И националисты тут —

с достижениями

в строительстве новой страны.

А им поёт заезжий

русский попсовик

Клубинин,

известный и любимый,

романсы и песни о любви.

И все танцуют,

и радеют тут же

о людстве.

Кулёк-университет

и ректор

определяющие культуру

на стране

бал проводят

где-то и извне.

Мест в зале всем

в притык.

Бал большой.

И тык

даёт премьер

по партии наш главный

за то, что на бале

не приняли программу,

и спешно готовит
терриконально
бал провести
с колёс и с ходу.
Бегом на площадь,
с музыкой,
и помпу
включили в МЧС.
Под шум помпы этой
поднялся занавес,
и тоже в парах
кружились важно
министр с министром
и депутаты бизнес-магнаты,
и свита их,
ещё солдаты.
И бал обороты
набирал.
Страна вся встала
и танцевала.
Пели Клубинин и наша,
эта... иль тая...
Забыл фамилию певички.
А тут и снег пошёл
на головы.
Сестрички медицинские
давали спирту,
и очередь большая
к ним — залиться.
Много дней
бал длился —
мы шли в Европу
со своей культурой,
верней,
бежали все с вещами,
кто быстрей.

Но прорывались первыми
кто богаче и наглей...
И постепенно почти все зашли.
На память осталась
труба выхлопная
лидера партии усохшей
от мрака.
Остались бутылки по
майдану пустые,
валялись виновато.
Остались бомжи, калеки
да дети-сироты
и попсовики ненужные
и как чужие...

03.10.2013

***

Я мстить не буду.
Свои обиды я опущу.
Но мартиролог
преступной клики
я напишу.
— Усё забито!
И наше всё!
Так, в руке с битой
и кирпичом,
начало стройки
страны с крылом
отбитым, рваным.
И напролом
по ней летели
пацаны с огнём.
Группы ублюдков,
где власть, и тьма
подонков редких
поднял сам чёрт.
Ведь при советских
он так не мог,
а тут — раздолье,
и бык в рогах,
и дикополе,
и кровь-трава,
и минфугас,
и пули, пули.
И всё для нас
старались парни,
сбивая в клан
всё, что давали
и брал он сам.
А черти бочки
с порохом жгли,
чтоб было видно
всё вдали,

где свет в окошке,
дом и мать,
и дети с ложкой
одной на пять.
Так было раньше.
Босоте это в масть.
Она гордится,
что мало было жрать.
Сегодня сладко
на золоте жрать.
И с серебра
с фарфором Дойчланд
и Парижа
десерты носят.
И повар с тёщей,
и массажист...
Вот это жизнь!
Веков чуть средних,
пожалуй, вниз —
тут рабство — щедрость,
а топор
по шее мягко —
приговор
за слово правды.
И режут баре
всех нас тут.
И всё смешалось:
менты и зек,
власть и деньги,
и человек
стал стоить мало —
всего лишь цент,
и то в базарный,
то бишь, торговый
ещё день.

В разгуляй гуляет поле
гуляет доля
и патроны,
гуляют деньги,
кабак сливает
виски и коньяк,
и бляди стонут
в “крутых” руках.
А за патроны
нужно платить,
И платят щедро
блатоте.
Шансон рыдает:
жестокий век!
И просят
музон и кайф,
дорожку коки
и самовар,
чтоб всё по-русски:
и баня, пар,
и тёлки, тёлки! —
как будто пробил
последний час.
И что-то в церкви
губы небрежно
бросают
в икону,
и руки в крови
свечу дорогую ставят,
и иерей грехи отпускает
за сто зелёных,
хоть всё он знает.
Ну как исправить
вздыбленный остров
среди земли,

где лишь погостов
за двадцать лет
как после той,
большой, войны?
И уходим тихо,
не прощаясь,
зубы сжав
и редко каясь...
Надежда на
прозрение детей,
которых здесь
калечит сам злодей,
ворует души их,
в родство чертям
бросая.
Надежда наша
здесь всё-таки
живая...

04.10.2013

***

Призраки, призраки
в мире реалий
на куске земли,
где добро отдыхает,
где тени под светом
мелькают, мерцают
и ужас от них.

И нам не понять, что дальше они
замышляют.

Призраки, призраки
с дырками в теле,
кто-то без рук
или ног,
без глаз
или носа.

Призраки
ходят,
бегают,
носятся,
и вместо фамилий —
 клички
как в зверя.

А тени сбиваются в кучи
и воют,
как волки, собаки
ночами,
и от их воя звёзды темнеют,
и сами они
стают чёрными, жуткими,
и здесь начинаются
их страшные шутки
с миром реалий
куска земли вырванной
из жизни нормальной.

Верёвкой намыленной
петлю затянули,
но не до конца,
а так, чтобы
вдохнули все, кто
живут на этой земле.
Потом — выдох,
и снова
аж до кровей
тех, кого выбрали
пасть и предстать
перед Богом
раньше чем мог
он сам к Нему попасть.
И таких — миллионы
в войнах великих.
Их называли по-разному.
Сдвиги
в глубинах сознания
призраков с тенями.
А как реагируют на
проделки их тленные
массы людей
земли этой оторванной
от великой планеты?
С сжатыми горлами
ждут приказ
верёвку тянуть
или чуть отпустить.
Их называют
и коронуют,
их избирают
и дико ревнуют,
из-за них слёзы льют,
бьются на улицах,
бьются в домах.

Рабы призраков
крутятся
в барабане стиралки
большой и жестокой.
В ней память стирают
и мозг
чем-то дрочат,
и наполняют какой-то
бредягиной
с химической гадостью
или тухлой червятиной.
А после этого реальность
канает
и вместо нее
призраки вновь прилетают.
И тени спускаются
мраком безумия.
Он болен!
Кричит человек от
страха с балкона.
Спасите!
И думает, что к нему
выскочит кто-то
и руку подаст.
Но смех раздаётся,
могут стрелять,
могут верёвку
чуть потянуть и
по мылу, мягко,
горло зажать
и пугнуть
или отправить
в мир теней.
Аж жуть!
Но к ней привыкли
и она не страшит.

Убийства,
грабёж
и брехня
не бередит мыслями
кучными головы люду.
Кусок земли застыл
в призрачном абсолюте...

05.10.2013.

***

Дождь.
Ливень и молния
через тёплый ноябрь.
Капли по окнам
стучат:
кап-кап-кап...
А коммунисты на карнавале
водят людей очень отсталых
от времени,
разума
и страниц истории.
Водят и водят их
как рабов по претории.
А главная партия
празднует тоже,
но освобождение
великого города.
Юбилейная дата —
семьдесят лет.
И грустно становится мне.
Нет!
Я бы их вывел всех
за столицу.
Праздник святой,
а политес строится
и рейтинги рвёт
на костях убиенных.
Сколько можно
вливать в нас “поительное” —
коктейль лажи лживой,
успокоительной,
о завтрашнем лучшем
и вчерашнем забытом?!

Они так хотят, чтобы
мы всё забыли.

И дерзкий “нищак”
девяностых строптивых,
когда всё потянули
к себе, на себя,
потом грабанули страну
до конца,
и сегодня, глаза заняв у сирка
смотрят с улыбкой
на дурака.
Дураком сделали всех.
И пошла карнавалом
людва по столице,
пошла по глубинке,
в честь революции,
где стольких убили и
не похоронили.
И всё ради светлого
завтра, как эти
нам обещают уже
более двух десятилетий.
Сами давно в этом
кайфе потребства,
где изобилия лишнего,
роскоши и сверхбогатства!
А нам обещают
такое же, братцы, или, братва?
Урок отмеченных.
И: ха-ха!
Шобла хохочет.
И праздник — непраздник.
Везде обещают
нас не забыть.

Лучше б забыли,
и нам полегчало б,
а так
их забота
залила нам сала
за драную шкуру
и шерсть ободрали,
особенно, с девок.
Их много забрали,
вдоволь погуляли,
кого-то побили,
кого-то порвали
и бросили сдохнуть
в посадке.
Играли,
играют,
переиграли,
недооценили
и недобрали —
и скоро ату! — и поубегали.
Новые тут же зашли,
и заиграли, и загуляли...

06.10.2013

***

Они хотели жить.
Любить.
Но шли в атаку
с страхом и без страха,
голодны часто
и без патронов.
Форсировали Днепр,
и много их осталось
в водах,
холодных тех ноябрьских
водах,
и гнали их генералы
скопом
под дату Сталину
октябрьскую, великую,
и Богом
брошенную землю
на время.
Молились все в воде
холодной, черной.
И вода
несла тела
и кровь
в море.
Моря людские
брали Киев
под дату силой
численности сильной.
Они хотели жить.
Лишь жить.
И быстрее победить.
А генералы...
Не нам сегодня их судить.
Не нам благодарить.

Нам благодарить
простых людей,
ещё детей,
и Бога, Бога, Бога
без конца за тепло
ноябрьских дней сегодня.
Нам Бог дал жизнь,
и принял снова нас...
И мы молитву Ему
сейчас
и завтра
и за тех солдат,
кто жить хотел,
а не умирать,
но шёл на смерть,
прося в молитве тихо
Бога хотя бы здесь,
в Днепре, не умереть...

06.10.2013

***

История движется
днями уходящими,
которые в памяти
слагаются
и потом в новом виде
далёком, вновь настоящем,
снова историей становятся,
уже уходящей.
О ней судить,
об истории, просто.
Это лишь даты
и лица.
Погосты и мавзолеи,
памятники в аллее.
Но есть людской фактор
и мысль человека,
есть его чувства
когда он жил и живее,
казалось ему, всё тогда.
Это составляющая истории,
и навсегда.
О ней судить уже не
сухими датами
и лицами в камень
и пыль истории
вжатыми,
а также эмоциями
и их страстями,
их мыслями
и светлыми, и тёмными,
скрытыми далью времени
от нас делами.
Но судим мы часто
со своего
шестка,

огорода,
замка,
резиденции,
и историки часто в моде,
вроде историки,
вроде...
Уроде...
Уродуя...
Уроды...
Уродство...
Искажение фактов...
Перекручивание под
уродов сегодняшних
властных,
и лебезение в их кабинетах.
А вы, вы — как ваш
предок:
мы нашли, откопали,
его оргазм отдельно
достали
и девушку первую
целовали...
Простите, её надгробный
камень.
У нас акция,
и мы на могиле
первой любви
Ивана Франко,
и вашего пра-пра-пра...
Деньги, если можно,
на акцию просим —
история не простит нас
и спросит.
Историки вдавленные
в рамки.

Историки долбанные
как чугунные болванки.
Историки брехнизации смысла.
За границы чести
все вышли
и нас не вернуть.
Нам партию вытащить
и провернуть новые выборы
без выборов.
Да здравствует вождь
всех вождей выгнанный,
простите, ставший выше.
История просто
многим крыша.
Тёплая, мягкая постель
и зарплата.
И быстро проходит день,
и сегодня станет завтра
историей.
А людям без чести
честь вернут партии,
или отнимут,
если прикажут олигархи.
История пишется в книгах
за деньги.
А мы её камнем
вдавим в землю
и правду на камне
выбьем зубилом,
и правда застынет.
Что вам тогда делать
историкодебилам?

06.10.2013

***

Вдоль дорожки в парке
одинокий старый ворон
лег на травку,
и глаза, как в человека,
смотрят скорбью, болью.
Эхо от его взгляда
на всю жизнь в моей
будет душе.
И, правда,
здесь не смерти страх,
а боль оставлять
землю.
Как мне грустно за него...
Глаза в глаза.
И я прошёл,
не попрощавшись
с ним перед
уходом
в тот другой, как будто бы
счастливый, мир.
Безгрешный ворон,
а в такой тоске...
Почему мы все
боимся мига
у порога?
Почему нас страх грызёт,
тревога?
Неужели там не так,
как мы мечтали?
Прости меня,
мой ворон,
друг мой,
брат.
Пусть Бог возьмёт
и встретит
в трудный час тебя.

Такая грусть у ворона
в глазах,
такая боль,
тоска...
О ты, Земля,
непросто оставлять тебя!..

07.10.2013

***

Разрубив мной же
завязанный узел,
я вытер кровь с топора
и грудью полной
я выдохнул мерзкое прежнее.
А топор опять под лавку,
а верёвку не на скакалку,
а запрятал тоже надёжно,
и налил на радостях
полно
в стакан водки русской.
Опрокинул залпом
в себя без закуски.
Повторил.
И еще стакан
тот гранёный старый.
Устал
от непонятных ситуаций.
Кто и куда?
Зачем нам этот праздник
Великого Октября,
который празднуем
седьмого ноября?
И человек, зашедший
в дом на свет
с бутылкой водки,
оказалось, мой сосед.
Старый коммунист
от тех времён,
когда гремела музыка
и мир дрожал
от страха.
Вон!
Мысли дохлые
с депрессией!

Что мне мир, оставшийся
сам на сам
без мнимой агрессии?
Ныне в кризисе
проживалова.
Наливай, сосед-коммунист,
нам водяру, вишь!
И стаканами старыми,
ещё от Сталина,
мы чокнулись,
и головами тоже
подвинулись.
Эх, эти годы
строительства гибели!
В никуда, бывшие господа,
поезд уходит.
Поезд уходит туда навсегда,
где мрак тупика,
и леса, и леса
чёрных призраков,
и пила, и пила
без зубов и ручек
взвизгивает,
как баба на лавочке
в праздник зажатая.
А я оттянусь сегодня
с солдатами,
старыми воинами пути
чуть ошибочного,
но двужильными
и честноправдивыми
перед мерзостью вздыбленных
чудовищ,
что без дыбы
остались жить ещё здесь.

И снова в руках
гранёный стакан
и банка консервов
вздутых.
Во срам!
Не нам.
А вам, господам,
что уже все в вагоне
не на лесоповал,
не на БАМ,
а туда,
где тамтарарам
и котёл с объедками.
Хам
раздаёт хлебалово ртам —
бывшим партийным
и политическим
господам.
Давай, товарищ, запоём
свою!
И снова выпьем.
Я всё так люблю!
Людей и мир,
и революций пыл.
Давай, лей
полный нам гранчак!
И снова звон стаканов,
и килька, что стала ржавой,
и Великий Октябрь
средь базара
дня осеннего,
ушедшего даром.
А нам не даром.

Мы паром, паром
с паровозом
перевезем всех вместе
грозно.
Чеканя шаг
и чистя вновь ружьё,
вставай
страна-обломок,
всем чертям назло!

07.10.2013

***

Мы сегодня весь день
грузили плиты бетонные
на строительство нового
элитного борделя
в лесу под Житомиром.
Краны ломались
один за другим.
Директор бегал
белый как дым,
с ломом в руке
и крыл матом:
— Давай, давай вручную,
ребята!
И мы толкали, упирались
костями.
Мы пахали как никогда
за эти годы,
и рвали свои пупы и жилы.
Кто-то падал без сознания,
его окатывали холодной водой
и в сторонке ложили.
Кто-то сдался и убежал
под улюлюканье.
Но основная масса рабочих
хранила честь и имя,
и грузила, грузила.
Машина полная отъезжала,
пустая подходила.
Энтузиазм перешёл все
границы.
Мы отказались от зарплаты
за месяц
и на бордель просили перечислить.

А себе — воду да хлеб
с сигаретой.

Директор нервный хватался
без конца за сердце,
а рядом, в машине
типа “Рендж-Ровер”,
сидели парни стриженные,
и особый их говор.

Они директора прессовали,
но мы не подвели —
всё отгрузили и отфиговали.

А под Верховным Советом
в это время боролась
оппозиция.

“Юле — волю!” — кричали.

Милиция строго следила
за порядком.

А Верховный Совет
закон не принял.

Надоело всё это нашим
ребяткам.

Наша честь рабочая,
сегодня ещё раз
доказанная,
как-то не очень в стране
ценится.

Система унитазная.

А коммунисты шли все
в красном
по Крещатику,
памятнику Ленина кланялись
их главные,
как когда-то рабочие десятнику.

Сегодня рабочий не в чести
и не в достоинстве.
Но коммунисты хотят
власти и вольницы.
Вечером я лёг.
Спать не получалось.
Я мечтал об этом элитном
борделе,
и мне показалось,
что его уже построили,
и мы, рабочие,
ходим по ём голые.
А тех красавиц
писанных и прописанных
ещё не завезли.
Видно, сломался кран,
и их грузят вручную.
Рабочие кладут их на
лопатки, а потом
кантуют,
и успевают ещё и
поиграться.
Ё-моё! И я начал
быстро одеваться.
А тут жена с кухни
со скалкой.
— Ты куды, подлец пьяный,
в ночь?!

Сломался я.
И разделся быстро.
Добежал до кровати
и начал сочинять
письмо министру.

Мол бы, поощрить
путёвкой в бордель
потом лучших рабочих.
Санаториев нет.
А поехать на отдых
кажинный, мол, хочет...

07.10.2013

***

Шоу по телевизору
крутили.
Девиц, которые прошли
“Плейбой” светили.
Куражились и хвастались:
о сиси-писи!
Такой себе
вечерок в пятницу
для православных
завинтили
с рекламой проституции и секса.
Сидел певец Павел Безбров,
крашенно-упитанный
как тот боров.
Рассказывал как ещё в эСэСэСэРе
он из-за границы
возил порнуху в динамиках
машины.
А девушка напротив
ему понравилась.
Как спичка
горел Безбров,
а в перерыве говорит:
— От энергетики этой шлюхи
поднялась температура —
тридцать восемь с половиной.
Ого-го!
Врача в той студии
не было и в помине,
но Паша держался,
и со шлюхами смазливо
поддерживал для христиан,
как новую культуру,
обнаженное в журналах тело.

Для онанизма — хорошо,
да и настоящему мужчине
посмотреть по делу.
А температура падать не
хотела.
И женщина, рядом сидящая,
мне прошипела:
— Не бывает температуры
просто от энергетики
девицы,
то гонорея может быть
или другая зараза.
Пусть сходит к урологу,
а он на энергетику!
Дурак, что ли, в самом
деле?
— Да не дурак, — говорю. —
Он “профессор”
в университете Культуры Украины.
А женщина шипела мне
в спину:
— Это ж разврат какой,
падение морали,
пропагада блядства,
и все рады!
Голые в журналах и на сайтах.
Беда ж какая на стране!
А тут все говорят
о сексуальности
да сиси-писи...
Не по мне.
— Да замочите, вы! —
взорвался я.

— Идите в церковь!
Вы нам мешаете
культурно отдыхать...
И не шипите!

08.10.2013

***

Осень всегда меняет
жизнь
даже если мы не хотим
или не замечаем
туманов
лёгкий дым
и листьев первых золотых,
и птиц летящих крик,
и дождь, уже осенний,
легкий и густой,
косой,
затем, в порывах ветра,
кружащийся
на фоне неба серого...
Постой!
Не падай духом.
Еще и солнце
отгорит сполна,
и встретишь, может даже,
ты любовь,
если она тебе нужна.
Но жизнь сменилась
уже у всех.
Можно не видеть,
не хотеть,
но течение её другое.
Душа чуть с грустью
и чуть с болью.
А листья падают,
и над тобою
черных веток вязь
ложащаяся на небеса,
и суeta становится смешна.

И цели, те что были,
вдруг застыли,
и ищет мозг другие.
Все стали чуть мудрее.
А кто срывался
на борьбу конвойер-политес,
кто профессионал как будто
здесь,
оказывается, просто псих,
и падает в осенний шиз,
и рвёт себя,
и рвёт других
на жажду власти.
Но вдруг притих.
Хитрый псих
пытается не упасть в большую
лужу.
Но внешне, видно, идиот,
хоть он молчит.
А другой прёт
и к революции зовёт.
Любым путём,
лишь бы куда.
Туда, где ждёт союз
другой.
Но ерунда.
Не травит жизнь другим,
а всё как в цирке.
Поглядим...
Осень меняет жизнь.
И ты, застывший
в красоте её
миров чуть-чуть остывших,
мечтаешь, безусловно,
о любви.

Спокойно, тихо.
Не спеши ты, осень.
Подожди.
Я так люблю тебя,
твои мгновенья
разные:
то золото с деревьев,
то дожди...
Не уходи...

09.10.2013

***

Вечной зимы
вечный мороз.
Там нет даже слёз,
ибо перед тем
как из глаз покатиться,
они превращаются в лёд.
И шарики льда
падают в снег,
нарастают буграми,
но лишь безразличия
смех.
Это не слёзы,
даже для тех,
кто вроде заплакал,
а так, просто
физиологический тест
для организма и
психики с телом.
Вечный мороз
люских отношений.
Там не верят слезам
и страданьям.
Там боль чужая
как отставанье
от выучки первых,
на которых равненье.
А глупость их по мощности,
как объемы глубинных
карьеров,
с которых рвут экскаваторы
грунт,
рвут породу с камнем
похожим на бут,
и вывозят куда-то
на другие планеты.
Зачем?

Это пока для населения
секрет.
Только такая и есть работа.
Карьер,
экскаватор,
грузовик
и тревога,
что завтра уже
перестанут долбить
лёд с камнем
и увозить.
Вечной зимы
человеческий холод
инеем кроет
головы, брови,
и чубы в сосульках
и подбородок,
а одежда из мокрого снега,
который быстро здесь
леденеет.
Его потом красят,
и фонарят
местные дамы от
счастья нарядов.
Ведь перекрашивать
можно всё сразу
и много раз на день.
А вчера объявили
о секрете страны:
грунт увозили
мимо Луны
на небольшой ещё
астEROид
и делали высокие на
нём горы,
чтоб он потом
врезался в планету врагов
и развалил её
на много кусков.

И на одном из кусков
поселиться
всей нашей страной
и веселиться,
если получится
в климате том.
Здесь в нас веселье
на один лишь талон,
которые выдают на
праздник копанья
за добытые камни.
Но внешне
грусти
не видно совсем.
Лишь только
бугры ледяные
из шариков маленьких
как пень
в лесу на планете,
где когда-то давно
ещё было лето
и тепло человеческих
чувств.
Но время снесло
их в холод,
как тут.

13.10.2013

***

Для Киева
Донбасса оказалось мало.
Подтянули молодёжь
с Китая.
И этого оказалось мало.
Так приехали азиаты
со своим хуралом.
Теперь в центре,
на Печерске,
Чайнатаун —
по пятьдесят человек
в квартире,
например,
по улице Горького проживает.
А со Средней Азии
беднопростые
ютятся по задворкам,
но зато цены на
базарах на их товары
золотые.
А Киев принимает
все посылы
людские.
Эмиграция.
Просили не просили,
но, наверное, всё-таки
попросили.
И город становится
другим.
Ему болит,
и нам,
и им...
Эмигрантам и мигрантам
дорогим.
А мэра нет.
А власть как есть.

Но лигитимная в
столице.
Светит свет,
тепло в домах.
Вороны кричат на проводах.
И убегает вновь ноябрь
быстро,
абы как.
Евросоюз ждёт к ним
ответный шаг.
В Ассоциацию...
Нараз...
Так наши говорят...
Но шаг идёт назад.
Европа скоро введёт
запреты на ввоз
в Украину этих...
Как их?
А!
Вот! Евробуд.
И Евроремонт.
Так говорят в пивных.
Без евробуд животным
будет вновь гаплык.
Бродячих столько развелось.
И крик,
и крик:
спасите, мол, их!
А нас спасать
не нужно?
А кто спасёт нас?
Дружба
с Азией, скорей всего.
Я себе жену возьму
оттуда...
А со своей что делать?

В отряды партизанские
под видом грибников...
А что, такие есть?
Говорят, что да.
Гуляют с битами лихие
парни,
и лупят власть в селе
по голове,
аж жарит.
От слов таких мороз по коже...
Да, в Запорожье...
Бандиты положили
предсельсовета
и завклубом
в реанимацию.
Вот это...
Да?
А что менты?
А ни фига.
Боевики, наверное,
нужны.
И не боятся азиаты
таких бандитов?
Ах ты,
подлец!
Сорвал стол президентский
в Феодосии мудрец.
Украл.
Унес.
Военный чин.
Высокий.
Стол...
Едрёна вошь!

А где президенту
сесть теперь?
А что ж?..
Менты опять?
Нашли виноватых.
Будут брать.
“В Литве засада
на ректора Мельника Петра” —
бежит два дня по телевизору
строка.
Не может быть!
Ведь это дурь.
Засада, и всем объявить?
Да нет, бежит строка,
засада там, в Литве,
и скоро всё-таки возьмут.
У меня что-то с головой.
Ой-ой-ой-ой!
Власенка, адвоката Юли
под тюрьмой...
Что под тюрьмой?
Судили.
Пять лет назад он
бил бывшую свою жену
как блядь.
Теперь вот сидет.
Так пять же лет спустя!
А срока давности то
не имеет.
Опа-па!
Бедный Сергей.
Был депутат.
Его — взашей.
Теперь вот в каталажку.

А депутаты деньги моют
и стирают
от жира, шоколада
под видом
гражданских приёмных
в гаражах, подвалах,
и в центре города большого.
А что менты?
Разведка что?
Все в доле...

13.10.2013

***

Откуда же все беды?
Сто пудов —
от холуйства.
От рабства,
неклюйства.
Убожество личности,
потому что не личность,
а код по налоговой
и единица в ментов
и совбесе.
Холуйство в крови от
собачьей верности,
и взгляд, прям в глаза,
старшему с хлебушком
преданно, преданно
и с улыбкой примата.
Грязная дверь,
грязная хата
от вывертов внутренних
полусознания.
Жить по-животному
с вечным обманом,
и ждать своей очереди
в скотовоз,
а дальше — на бойню
или завод
по производству эрзац
всех едлов.
Щенячая преданность
и гав-гав по селу,
когда вырастает
осо́бь в цеху.

Цех производства
особых людей:
беззубых,
безглазых,
безротых —
только
лапы и мышцы
здоровых рабов.
За дешевую пайку
и пару носков
целый день во трудах,
в поте градом,
в сознании тьмы
и при рогах,
на которых верёвки,
и звонок на груди.
Рабы и холуи
по типу крови.
Лишь отдельные
надеждой живут —
в вечной борьбе это горе бы
смыть,
и правду найти и отмыть,
и рваться на части и пополам,
теряя покой, жизнь,
и удар принимая
один за другим.
Сколько их сгинуло,
а холуй всё сидит
в каждом отдельном.
И глазки в глаза
зверя двуногого —
против ночи нельзя
говорить и представить
чертовщину хамла.

Возьми в руки камень —
i його вже нема.
Bтік страхом сповнений
десь в інші краї.
А что потом делать без
них будут жалкие
рабы-холуи?

13.10.2013

***

Жизнь поменялась.
И бьётся лед об рыбу,
а я, всё той же рыбой,
лечу с обрыва.
Прямо,
криво
наши пути.
Открыли все шлюзы,
стало гораздо
легче идти.
Нет теперь плотин,
и речки обмелели.
Воруют землю
и строят церковь,
а рядом — терем,
и — за забор
вместе с рекой.
А лёд трещит и бьётся
в рыбу.
Зима приходит,
и листьев рыжих
из-под снега
уже не видно.
И тропы наши
с одинокими следами,
куда?
За нами — тишина.
Молний
остатки с лета
без дождя и грома
разрывают небо
и светят в ноги
криво, косо.
Голос бы услышать чей-то!

Но одиночество пути
тяжёлым бремяม,
как вроде бы
не поезд несется по рельсам,
а рельсы на плечах
несутся нами.
Поезда стоят давно
и ржавы.
Остатки краски
как символ
мощной умершей державы.
И окна вглубь пустые —
стекла поснимали.
А я лечу с обрыва,
и рву тело об лёд,
как рыба
задыхаясь без воды
в снегу
на чужом пустынном берегу.
Люди!
И вопль мой эхом:
— Я иду, иду...

14.10.2013

***

Здесь, на постсоветчине,
как растерзанной собачатине,
жирут бандиты и воры,
взявшие силой злой
и алчностью
деньги людей несчастных.
А их дети в Европе и Штатах
буржуа спокойные,
и снятся им сны счастья.
А горы ледники водой
сливают
от позора, что покрыл мир.
А богачи деньги в крови
принимают,
считают
и собирают.
Бумага сильней души.
Бумага сильнее чувств.
Не спеши ты, мир,
богатый и званный.
Избраны будут другие,
кто рваны, босы
и в ранах кровоточащих
болью.
Рано.
Рано.
Рано.
Победоносные крики державы
и держав в союзах
империй.
Рано.
Это ещё не вечер.

Тонет корабль у причала,
люди бегут всё далее,
а причал глотает огромину
с командой,
крысами.

Воины бьются на смерть
с пучиной отверзшей
ад свой.

На их лицах кровавый пот.
Мышцы рвутся от тяжести.

Бой
с адом за пределом сил
людских.

Бой,
и нужно только победить.
Не они так кто?

А люди, ломая ноги
убегают от страха без воли.
А корабль уходит

как свечка
от огня тающая.

И перст мой пишет
снова и снова кровью
по стене
о горе.

Я пишу и славлю Бога,
а ледники сливают воду
и вскоре дождями вечными
покроют полмира.

Трещины в земле
от неправды,
трещины в земле
от бравады
лицемерия
и самоуверенности.

Позор покрывает мир
как забытое время
утраты до свадьбы
девственности...
И пишу перстом
своей кровью по стене,
и славлю Бога
я с душой в огне...

14.10.2013

***

Стемнело рано.
Ведь ноябрь.
Да ещё время пик.
Никак проехать,
не пройти.
Улицы в дыму,
коптит,
чадит
автомобиль
в количестве несчетном.
Сил потрачено немало:
и изготовить,
и потом править,
купить.
Но люди усложняют жизнь
делами нехорошими,
а прыть свою
в желаниях удовлетворить
за счёт других,
здоровья их...
А тут по улице колонны,
флаги красно-черны,
и спецназа, как в войну
тех заградительных отрядов...
Ну идут, кричат
и требуют свободу,
в Европу путь...
Но власть уже легла
от страха сбоку
и спецназом кроет
свою грудь...
Предательства и хитрость
стали ныне
венком позора,
который жжёт грудь
каждого.

А я опять дорогой в Кремль,
как на работу,
можно сказать, что
каждый день.
Верхнего Вова принимает
в Сочи,
а мне — кремлёвские палаты.
— Что ты, Вова!
Понимаю.
Мне диалоги с тобою
тоже помогают,
и тоже ты на путь стал
правды, силы.
Союз, империя,
чтоб править миром?
Ты, Вова, не надейся
пока что с Украиной.
А, может, Вова
с Индией в союз?
Это путь,
и в нём есть истина,
с которой
Россия вырвется из
бед и горя,
и с Богом, потихоньку,
к вам пойдут другие.
А Украина, Вова...
В ней нет силы.
Старые ссобачились давно,
молодые — в пиве, сексе.
Мы новых ждём людей.
Восстанут и пойдут
в духовной силе.
Вова, тут истина,
а не в вине,
ещё и дешевом.

Подумай ты об
Индии и подтяни
моих учителей...
Ты понял, я о ком?
Хоть ты и друг,
коллега,
но потом
поймешь ты силу.
Ведь в духе,
Вова, всё...
А ты ищешь то,
что на земле,
снаружи...

15.10.2013

***

Стук каблуков
женщины нежной
и я радуюсь:
она за дверью!
Но, вдруг, слышу
отчетливо стук,
но копыт...
— Бух! Бух! Бух! —
в дверь ногами.
Кто же ко мне?
Лошади не ездят лифтами.
А другие копытные
в центре города
не бывают.
И страх, вдруг, пронзил —
это они, нечистые!
А, может, сны?
Но я бодр, с газетой
литературной в руках.
— Бух! Бух! Бах!
Двери трещат.
И через балкон
я убегаю из дома вон,
а дальше из города —
в никуда.
Пятница,
ночь,
и вода в лужах.
Вода.
Я её жадно хлебаю
как зверь,
и слышу снова
стук каблуков
по осенней траве
и жестким дыханием,
сухим языком
я шепчу молитву.

О, Бог!
Ты моя помощь.
И враги мои тоже Твои.
“Аз воздам”
Ты говорил и говоришь
в Слове своём.
Помоги!
И горячим огнём, как
с мартена,
вдруг, пламя —
горела трава,
деревья,
канава.
Горела вода в лужах
и пламя до
Луны доставало.
А я на коленях
счастливый, согретый
жаром огня
и Словом.
А эти мои враги
рассочились,
сгорели.
исчезли,
и только иней
от первых морозов
ноября
остудил мой мозг
и оставил меня
в покое
и ясности ума...

15.10.2013

***

Основа — Слово.
Мы наш мы новый мир построим.
И он построен был на крови.
Но в нём любовь ростки
пробила сквозь мерзлоту и лёд.
Тротилом взрывы любви
и мысли о благом,
и силы на дело общее.
Красиво всё шло,
и счастье было
девятибальюю волною,
и те же силы от любви
к стране, вождю.
И корабли летели в космос,
всё от любви.
Но Бог был просто
бог и с буквы маленькой,
и только бабушки молились.
И пала сила.
Сверххуперсила.
Империя как слива
с дерева
в саду
в траву
в тиши ночной...
Небо в звёздах.
Там Бог!
И здесь Он тоже.
И новая империя Христа,
Рим пятый,
поднимается.
И от креста и до креста
наш путь,
и путь тот вечный,
где слова от Слова.
Основа — Слово.

Краеугольный камень
той империи от Бога,
где христианство,
милосердие,
любовь,
где звёзды в небе,
а на земле цветы
и счастье без конца
в любви без слов.
Но только Слово,
Оно — основа...

15.10.2013

***

Моя дорога.
Не свернуть.
Между скалами,
ущельями
опасный путь.
Только гибель,
или путь вперёд.
Сзади
дети,
птицы,
животные.
И грусть с радостью
мешается в пути.
Я веду детей
и им тоже не сойти
и не вернуться по тропе
назад.
Сзади камни падают
и град,
и дождь,
и снег.
Сзади всё закрыто
навсегда.
И нет пути другого,
чтобы розы
и дорога в
коврах
и листьях пальмы.
Нет!
Только желанья мои
вперёд.
И дети тоже,
там ведь Бог.

А путь к Нему
нелёгок и непрост.
Дорога к Богу...
К Богу дорога...
Ранит ноги...
И укрепляет дух...
Души поют...

15.10.2012

Содержание

<i>M.Малюк.</i> «Мы новых ждем людей...»	3
«Мечты стираются в пыль...»	8
«В окне — лицо прижатое к стеклу...»	10
«Модернизация...»	12
«Загнуздать эмоции...»	15
«Когда тебя в дорогом...»	17
«Факультет открыли новый...»	20
«Дождь на окна...»	22
«Чтобы спасти лицо...»	24
«Из стаи летящих...»	28
«С сильным ветром...»	30
«Путающиеся ногами...»	32
«Якийсь скажений сказ...»	34
«Усього вистачить:...»	36
«Я сегодня...»	38
«Отпусти меня, жена...»	41
«Я главный гинеколог страны...»	42
«В свободу...»	44
«Тиран...»	47
«Монархия...»	49
«И снова коалиция штыков...»	51
«Москва...»	53
«Я позвонил сегодня...»	56
«Рождение...»	58
«Не успел одеть...»	61
«Любовь к Богу...»	63
«Любовь...»	66
«Их рвёт...»	68
«Война и мат...»	71
«Мы вещаем...»	75

«Шел...»	78
«Фирмы социально-уголовного...»	80
«Рояль стоит на одной ноге...»	83
«За сто лет...»	86
«Ноябрь...»	90
«По ходу, по ходу, по ходу...»	92
«Зелёное Солнце...»	97
«Самоотречение...»	99
«Отмщение...»	104
«Рваные черные тучи...»	108
«Безнаказанность...»	111
«Мне бы собраться...»	113
«Четыре пятьсот...»	117
«Когда-то по нашим дорогам...»	121
«Вова Путин позвонил...»	125
«Сказал...»	129
«Донецкий патронажный...»	132
«Край...»	135
«И сердце рвут...»	138
«Потрясенные потрясением...»	145
«Эпицентр взрыва изобилия...»	149
«Сто восемь...»	154
«Сеется страх...»	157
«Сегодня рано поутру...»	159
«Во Врадиевке...»	161
«Пишу тебе я...»	163
«Ночь громыхает...»	165
«Такая война за межу...»	167
«Звернувшись я до міністра...»	170
«Часы бьют...»	173
«Камни падают снизу вверх...»	180
«Осень...»	183
«Дверь настежь открытая...»	185
«В стране перестали...»	187

«Первым вышел Карл Маркс...»	191
«Я устою сегодня...»	194
«Глобализация...»	196
«Бой...»	201
«Золото осени...»	204
«Чувство любви...»	206
«Ночь вьюжит...»	208
«Медленно летит...»	212
«Любящий Бога...»	214
«Похоронная процессия...»	217
«Можно только сожалеть...»	221
«Он как лошадка, которая...»	223
«Академик Жуликовский в горе...»	226
«Роскошь...»	228
«Бетонный забор...»	230
«Коммунизм похоронили...»	235
«Долдонит и швыряет...»	237
«Ночь...»	240
«Мысли нежно входят...»	242
«Я прорываюсь сквозь...»	244
«Глупость глупостью...»	247
«Однополые браки...»	250
«Желание жить в империи...»	252
«Отстать...»	259
«Языки пламени...»	262
«Дым, дым, дым...»	264
«Как хочется собой гордиться...»	266
«В стране национальностей...»	269
«Мельканье лиц...»	271
«Мы падаем надёжно, но...»	274
«Мне бы в Германии...»	277
«Сдвинулся сон...»	279
«Безумие алчности бездны...»	282
«Меня поразил...»	285

«И льются...»	288
«Растёт внешний долг...»	291
«Дурной пример...»	294
«Воюют зі стріхами...»	297
«Стадами быков обезумевших...»	301
«Осенний бал...»	303
«Я мстить не буду...»	306
«Призраки, призраки...»	310
«Дождь...»	314
«Они хотели жить...»	317
«История движется...»	319
«Вдоль дорожки в парке...»	322
«Разрубив мной же...»	324
«Мы сегодня весь день...»	328
«Шоу по телевизору...»	332
«Осень всегда меняет...»	335
«Вечной зимы...»	338
«Для Киева...»	341
«Откуда же все беды...»	346
«Жизнь поменялась...»	349
«Здесь, на постсоветчине...»	351
«Стемнело рано...»	354
«Стук каблуков...»	357
«Основа — Слово...»	359
«Моя дорога...»	361

Літературно-художнє видання

Можаровський А.І.

M75   Кути. *Поезії*. — К.: Видавничо-поліграфічний центр
«Київський університет», 2013. — 368 с.

ISBN 978-966-439-579-0

У новій книзі А.Можаровському вдалося створити загальний символ часу, сказати своїй епосі про ті виразки і жахи, які таємно і явно роз'єдають її.

УДК 821.161.1-1
ББК 84.4(2Рос=Рус)6-5

Відповідальний за випуск
Михайло МАЛЮК

Комп'ютерна верстка
Ганни СОЛДАТЕНКО

Художнє оформлення
Світлани УРБАНСЬКОЇ

Здано до виробництва та підписано до друку 30.12.2013.
Формат 60x100 1/16. Зам. 213-6832
Ум.друк.арк. 25,5.

Видавничо-поліграфічний Центр «Київський університет»
01601 м. Київ, буд. Т.Шевченка 14, кім.43
Свідоцтво ДК №1103 від 31.10.2002.

ЧЕРДЫ

Анатолий Можаровский

Анатолий Можаровский родился 20 ноября 1954 года в селе Кочеров на Житомирщине. Окончил Киевский институт железнодорожного транспорта. Работал на железной дороге, занимался научной и преподавательской деятельностью.

Поэт, прозаик, публицист. Автор книг «Бандустан», «Великое покраснение», «Цепь шокирующих потрясений», «Роковой дебаркадер», «Я слышу музыку небес», «Белая вишня», «Эпоха в застенке», «Я сын травы, деревьев, птиц», «Будильник совести», «Оттенки и тени», «Звёздный ветер», «Ноль и стая», «Шаги», «Последний вагон».